

Юрий Грум-Гржимайло

ВЕБСИК

История вторая. Мозаика на полу

Юрий Грум-Гржимайло

**Вебсик. История
вторая. Мозаика на полу**

«Издательские решения»

Грум-Гржимайло Ю.

Вебсик. История вторая. Мозаика на полу / Ю. Грум-Гржимайло — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839537-6

В центре второй истории фантастического сериала «Вебсик» — приключения Юрия Кивина и его друзей, среди которых есть информационно-энергетическое существо, само просившее себя называть Вебсиком. Прошел год с того дня, когда в доме на горе около руин старого замка поселился Юрий Кивин со своим любимцем цвергом Пусем. Загадки этих мест имеют давнюю, порой мистическую, историю. Наши герои стараются разобраться в хитросплетениях событий и самоотверженно пытаются помочь пострадавшим от аномалии...

ISBN 978-5-44-839537-6

© Грум-Гржимайло Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Старая рукопись	6
Глава 2. Лунная командировка	16
Глава 3. День рождения	24
Глава 4. Встреча с мозаикой	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Вебсик

История вторая. Мозаика на полу

Юрий Грум-Гржимайло

© Юрий Грум-Гржимайло, 2017

ISBN 978-5-4483-9537-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Старая рукопись

Я сидел за терминалом в кабинете, пытаюсь противостоять нараставшему валу деловой переписки. Завтра будет год с того дня, как мы с Пусем переступили порог этого дома, коренным образом изменившего нашу жизнь. Бурное начало постепенно сменилось относительным штилем, который нарушали усердно насаждаемые извне мелкие неожиданности. Вот сейчас, к примеру, зачем, скажите мне, Межконтинентальная академия предлагает ехать снова выступать с докладом на конференцию? Никуда не поеду, но сижу, ломаю голову, как ответить так, чтобы они осознали мои весомые причины этого не делать...

Известность принесла нам много сложностей. Вот, например, только вчера пришлось выпроваживать инфразвуком группу «фантиков», которые поднялись до нас по серпантину и перед силовым барьером начали тянуть какие-то свои мантры. Ладно бы они, но с ними стал с другой стороны выть со скамейки Пусь. Получалось у них, конечно, складно, только мы с Владой этого долго не выдержали...

Затея с лечением пострадавших тогда у нас почти провалилась. Нет, не по нашей вине. Дело в том, что мы вовремя не сообразили, что для первого этапа лечения по технологии Вебсика нужно состояние, которое Володя Лещенко определил как «душа отлетела, но лапой держится за тело». У нас из всех пациентов, свезенных в санаторий Космофлота, данному критерию близко соответствовали только Саша-большой и Саша-маленький из ребячьей компании Влады. Остальных, помню, директор санатория в сердцах охарактеризовал «безголовыми курицами»: они в первую же ночь все разбежались, и, как никто из них не сломал себе в горах шею, мне до сих пор не ясно. Нам тогда тоже пришлось принимать активное участие в ночных поисках, а Ростиславу – поднимать по тревоге спасателей и освещать район поисков световыми бомбами. Тогда-то я и вспомнил высказывание Влады про двенадцать детей – у нас было двенадцать больших и совершенно беспомощных пациентов... Хотя, нет худа без добра, анализируя по карте их рассредоточение, Марта обнаружила, что беглецы распределялись по периметру некоего правильного четырехугольника. Этим вопросом занялись близнецы, и Ростислав его сразу засекретил своим распоряжением. Массовые побеги в санатории повторялись каждую ночь, и уже через неделю всех ходячих вернули на теплый юг, где они вели себя сонно и спокойно. Мы стойко выдержали потом набег психиатров всех рангов, пытавшихся силой своего индивидуального и коллективного разума объяснить данный феномен – выдвинули, по предложению Влады, своего официального представителя в виде Юли Лещенко, которая с коллегами работала так же успешно, как и со своими биомехами...

Мы с Сашей Ивиным и Вебсиком занялись исцелением двух лежачих. Их состояние, по оценке Ивина, было тяжелым, но стабильным. Наши пациенты-мальчишки все еще находились в состоянии «пассивного кокона», их энергетика нарастала, но жутко медленно. Мы пытались ускорить раскочку процесса регулярными перемещениями из палатки на полянке в дом и обратно.

Славе Ивин провел первые трансплантации, в частности, вернул глаз. Приборы показывали, что мозг наращивает активность, а нам оставалось только ждать и надеяться. С месяц назад Вебсик посоветовал начать его поднимать с постели, делали мы это несколько раз в день вдвоем – мы с Мартой поднимали и держали его тело вертикально, а Влада двигала-сгибала-разгибала его еще безжизненные руки-ноги. Сперва Ивин сделал для нас специальный тренажер, но Вебсик его забраковал: тут важны были наши, живые биотоки. Фантастика, но уже через две недели Слава мог сам несколько минут простоять на своих ногах! Как же мы потом отметили это достижение!!! У нас все собрались, Саша тогда впервые

Валентину с Витькой с собой взял. Вечером между лапами тигра в нашей спальне трое замертво спали – Пусь, Джека и Витька.

Влада с помощью своего маленького разведчика методично готовила исследование башен. К ним она не пыталась соваться без полной уверенности в успехе. Не без влияния своего приобретенного деда она была зачислена в институт биокibernетики и ускоренными темпами одолевала сложный и объемный курс. Володя и Юля, следившие за этим процессом более пристально, чем я, при случае не стеснялись высказывать свои восторги ее способностями. Да я и сам в них уверовал, когда меня однажды утром разбудила огромная бенгальская тигрица, утробно мурлыкнула и пододвинула лапой столик с утренним кофе... Это была ее первая курсовая работа. В отличие от Володиных творений, наши псы-собакисы «оживление» своего тигра восприняли совершенно спокойно и так же продолжали спать на нем ночами.

– Опять бодают? – заглянула в кабинет Влада.

Я грустно кивнул головой. Они решительно подошла, повернула меня вместе с креслом к себе и устроилась на коленях. Я притворился, что изучаю ее лоб.

– Ты чего? – спросила она.

– Морщины на лбу – это трещины от знаний, – сообщил я ей. – У тебя их нет. Значит, не все выучила.

Она улыбнулась и чмокнула меня в нос.

– А знаешь, как интересно, хотя и сложно, – мечтательно произнесла она. – Я только сейчас начала догадываться, что такое наш Вебсик.

Я вопросительно поднял бровь. Тему «что такое Вебсик» мы с ней за этот год не раз жевали. Что, что-то новенькое?

– Это отражение, – продолжила Влада свою мысль. – Отражение информационно-энергетического существа в наших цифровых технологиях.

– Философия, – заметил я. – Ковыряние в носу, а он реален и помогает нам. Отражение в зеркале нам может помочь?

– Конечно, – последовал ответ. – Твое отражение поможет тебе увидеть прыщ, который ты сам не собираешься лечить, а мне некогда.

Я засмеялся.

– Учти, что не всякий прыщ удостоен чести вскочить на мне, как и не всякая наша информационная технология достойна Вебсика. И не всякий человек – его Круга. Тут все избирательно.

– А ты знаешь, что мы с Володей и Юлей провели серию тестов маленького разведчика, из которых следует, что структура его мозга динамична и адаптивна к ситуации? Думаем, что и режим супермозга ему по силам, – переменяла она тему нашего «душевного трепанья».

Этого они мне не говорили. Но, если это и в самом деле так, то малыш сделает переворот во многих сферах. Но вот кто его самого-то сделал?

– Я уже год пытаюсь найти, какой андроид слепил этого малыша, – пробормотал я. – И никаких концов пока.

Володя при содействии Ростислава Петровича перевез в свою лабораторию шасси и остатки головной части большого разведчика и ковырял их там, время от времени появляясь у нас и пытаясь поймать резонанс башен на разные серии сигналов. Я понимал, что с тем же успехом можно было искать иголку в стогу сена, но мой друг упорно продолжал свои попытки. А динамичность структуры мозга этого малыша – ну, в природе тоже эволюция и изменения, только они растянуты во времени, сам принцип естественен.

Когда близнецы под гипнозом дали полную картину того, как ими в детстве был найден этот малыш и осуществлен перехват управления на большом разведчике, мы с Володей

поняли, что Вебсик вмешался в их попытки не сразу, а лишь тогда, когда разведчик попытался диктовать детям свою волю. Вебсик это сразу пресек и перевел управление на себя – так он защищал детей. Я боялся, что Влада рискует попасть под влияние малыша, но тут ситуация была совершенно иной. По всем признакам это была очень дружественная человеку машина. Меня такое состояние дел несколько успокоило, я представил Владе и ребятам полную свободу действий. Думаю, что Вебсик не упускал их из виду.

Трудно поверить, но живя в одном доме, мы с Владой порой днем виделись только в столовой. Дом тщательно соблюдал тут традиции совместной трапезы и поодиночке никого не кормил. Вот и сейчас мы с ней инстинктивно ждали гонга на ужин, но его пока не было.

– У тебя вечер как? – спросил я.

– Свободен, – сладко потянулась Влада. – И я хочу быть с тобой. Да, – вспомнила она, – с Луны прислали приглашение на памятную церемонию, они там мемориал открывают, мои родители тоже в него попали.

– Я бы слетал, – сказал я. По нашему молчаливому согласию, стереофото Эльзы и Смита в тонкой деревянной рамке висело у нас в спальне. Я его сам повесил, сделав копию со снимка у Марты. Влада тогда ничего не сказала, но поцеловала меня особенно тепло. – Когда открывают?

– Через месяц. И у меня как раз каникулы между сессиями.

– Подтверди согласие, хорошо? Думаю, что тут ничего не перевернется за неделю нашего отсутствия, и все нас поймут правильно. Пусь тоже оформи, он еще на Луне не был. Джеку не берем – ждет потомство.

– А Дебби?

Дебби – это ее тигр, точнее – тигрица, та самая бенгальская, ныне уже биомех. Ну, Володя же со своими летает. А Влада с тигром у ноги – да вся Луна в нее влюбится.

– Если есть там место, то бери. Приставать побоятся. Парад-алле только отрепетитуйте, а то споткнешься об ее хвост на трапе... Или верхом на ней выезжай, тоже красиво. Но не забудь перепрограммировать, там же сила тяжести меньше, а то вон она тут как у тебя скачет...

Влада оценила мою практичность.

– Нет, она пойдет рядом, а на ней поедет Пусь. А ты сам на Луне был?

– Был, конечно. Порт Тихо, кажется. Уже не помню. Деловая поездка была. Я больше по орбитальным городам помотался в свое время.

Гонг на ужин – это повод прижать к себе любимую крепко-крепко перед тем, как отпустить на потребление калорий... Ух, раздавлю!

В столовой с Мартой уже сидел гость – Ростислав Петрович. Хотя формально он был нашим начальником в СБ, но сам он, как мы уже поняли, иерархические отношения не особо любил. Для Марты он уже стал родным человеком. Владу, как мы тоже заметили, он вообще баловал, хотя всячески старался это скрыть. Вот и сейчас – с деловым видом передает ей дорожный нейротестер, я вчера такой смотрел по сети – жутко сложная и редкая штука.

– Мы через месяц улетаем на Луну с официальным визитом, – сообщил я, усаживаясь за стол.

– Мемориал открывают, – кивнул Ростислав. – Это надо.

Пусь под столом поскреб лапой мою ногу.

– Ты тоже едешь, – сказал я ему. – Вместе с тигром.

Глаз Ростислава посмотрел на меня, потом на Владу, но комментария не прозвучало. Нет, дед нашелся отличный. Покладистый дед. Всем бы такого!

Но, оказалось, меня тоже ждал подарок.

– Это тебе, – коротко сказал Ростислав Петрович, двигая в мою сторону по столу коричневую кожаную папку с тиснением эмблемы СБ. С такими папками на доклады к высокому

начальству ходят. Я поблагодарил и открыл подарок. Внутри в малом архивном контейнере для бумаг была пачка листков. Я поднес прозрачную обложку к глазам. Боже, что это?!

– Она самая, – довольно кивнул мне Ростислав Петрович. – Рукопись деда доцента Кобелевича.

– Нашли в россыпи архивов фирмы Меера? – поинтересовался я.

– Точно, – удивился Ростислав Петрович. – А откуда тебе это известно? Ее буквально несколько дней назад нашли.

– А мне об этом год назад сказали Ион с Зетом, когда мы с ними были в очередной вылазке на нашем «закартинном» море, – ответил я. – И даже рассказали ее сюжет. А по возвращении никто из них ничего не знал и не помнил.

– И то, что есть, и то, что будет, – в глубоком раздумье произнес Ростислав. Было видно, что моя информация его сильно заинтересовала. Наконец, он мне сказал каким-то глухим голосом:

– Обнаружили рукопись именно близнецы. Уверяют, что случайно, но теперь я думаю, что они были запрограммированы ее найти.

– Кем, интересно?

– Не «кем» или «чем», а «где». Там, на вашем море. Там, где наш Вебсик осуществляет свои блестящие информационные поиски и исцеления. Это тоже там. Думаю, что это его мир. Он просто показан привычными нам символами.

Сами понимаете, что после такого вступления правило «когда я ем, я глух и нем» за нашим ужином не соблюдалось...

После ужина мы все перешли в кабинет. Марта с Ростиславом Петровичем устроились в креслах перед камином (дом его уютно осветил имитацией пламени), Влада с собаками забралась на диван, а я сел в кресло за столом и осторожно извлек первый листок рукописи. Почерк был разборчивым, и я начал сразу читать вслух.

«Поздним вечером почтовая карета остановилась на развилке двух дорог.

– По левой дороге дальше прямо идите, господин, – махнул рукой возница. – Отсюда с час ходу до деревни и замка. Все время прямо, не сворачивая... Нно! Пшли!

Карета загрохотала дальше, а я пошел по протоптанной копытами тропке левой дороги. Глубокие колеи показывали, что тут возили грузы. Прямо по пути начинали подниматься сизые склоны далеких гор, в придорожных кустах что-то шуршало. Светила полная луна, и дорогу было хорошо видно. Я перехватил поудобнее свой фанерный чемодан, в котором, помимо моего белья и пары книг, лежал сверток от магистра ложи для передачи владельцу замка и рекомендательная записка к нему. На полпути мне встретился всадник на богато убранной лошади. Он осветил меня фонарем. Я молча поклонился.

– Куда путь держим? – осведомился всадник.

– К деревне, Ваша светлость, – на всякий случай, как бы невзначай, отодвигаясь в тень, отвечивал я. – Назначен сюда учителем.

– На моей памяти, учитель – это тот, кто за собой связку книг еле тащит, а вы, как понимаю, налегке. – Всадник спрыгнул на землю. Он оказался молодым человеком почти одного со мной роста. Держался он очень просто.

– Будем знакомы, учитель. Барон Фраймер.

Это был сам владелец замка, к которому я ехал. Я с поклоном пожал протянутую мне руку условным жестом, как мастеру, и назвал себя.

– Имею поручение к Вашей светлости, – сказал я, складывая пальцами условный знак. Барон попросил мой чемодан и ловко приторочил его к седлу.

– Держитесь за седло с другой стороны, и быстро добежим. Вы, как вижу, бегать умеете.

Когда он это смог разглядеть во мне, не знаю. Я подумал, может, сразу попросить его помочь забрать при оказии из гостиницы при городской таверне пару оставшихся там ящиков с книгами, но барон меня опередил.

– А за вашими книгами в таверну я завтра пошлю человека, – продолжил он, словно читая мои мысли. – Ну, побежали?

Чувствовалось, что умное животное было привычно к такому способу передвижения с человеком. Я быстро нашел ритм и стал получать удовольствие от того, как летит под ноги земля, как тело само рвется вперед и не падает... Барон бежал с другой стороны. Промелькнули заросшие изгороди маленькой деревни, и дорога начала подниматься. Вскоре мы стояли у моста к замку. Его охраняла огромная белая собака.

– Свои, Шенди, – сказал барон. От бега он совсем не запыхался. Пес послушно отошел в сторону и открыл нам путь. Мне вернули чемодан и провели по железному настилу моста, затем по небольшому, чисто выметенному внутреннему двору к башне, в которой барон открыл малозаметную боковую дверь. За ней был спуск вниз, освещаемый странными трубчатыми светильниками. Я нигде таких не видел раньше. Таким холодным светом зимой луна светит.

– Нам сюда, – сказал барон.

Я кинул взгляд назад. Кроме нас и белого пса у ворот никого заметно не было. Лошадь никто не спешил забирать, она так и стояла, опустив к земле голову. Вслед за хозяином я начал спускаться. Мы пришли в комнату с низким потолком и большим диваном. Там же стоял низкий стол, заставленный закрытой полотенцем посудой. Барон откинул полотенце, взял один из котелков и протянул мне вместе с вилок.

– Подкрепитесь сперва с дороги. Вести могут подождать».

Я остановил чтение. Сначала читал медленно, привыкая к почерку и старому написанию, а потом все быстрее. Ростислав, Марта и Влада меня слушали с большим вниманием.

– Влада, а ты не помнишь в нашей башне в замке такую малозаметную боковую дверь и такой ход вниз на ней? – спросил я.

Влада покачала головой. Нет.

– Ну, это ни о чем не говорит, – сказал Ростислав Петрович. – Если она есть, то может быть хорошо замаскирована. Вполне возможно, что ею команда Меера пользовалась, зачем им все на виду держать? Наводка есть, надо искать.

– Пока я не вижу подтверждения, что это именно наша башня, где у нас тут мост? – с этими словами я взял в руки следующий листок и продолжил чтение.

«Еда была очень вкусной и сытной. Когда я отодвинул опустевшую посуду, хозяин с улыбкой заметил:

– Вот вы, мой дорогой, за десять минут проглотили то, чем тибетские монахи могут питаться месяц. А еда, знаете ли, отбивает просветление, что и сказывается на европейцах.

Мне спорить не хотелось, жутко захотелось спать, но я крепился.

– Вот, выпейте вот это, – протянул мне бокал барон.

В нем оказалась бесцветная и необычайно вкусная жидкость, мгновенно прогнавшая сон.

– Что это? – спросил я, ставя бокал на стол.

– Вода, дорогой мой, обыкновенная вода. Сок первоисточков. – Барон опустошил свой бокал. – Теперь, рассказывайте, с чем вас ко мне послали братья?

Я открыл свой чемодан и передал ему посылку и записку. Он внимательно прочел записку, потом провел по ней пальцами, словно принимая скрытый текст, хмыкнул и при мне развернул посылку. В ней оказалась вырезанная из блестящего черного камня фигурка – пирамида на шестигранном основании. Барон крепко сжал ее руками и закрыл глаза. Свет

сразу потускнел. Он сидел долго, потом быстро вновь завернул фигурку в прежнюю упаковку и протянул мне. Я только успел заметить, что она стала совсем прозрачной.

– Сейчас вам дадут лошадь, отвезите это магистру с моим глубоким почтением, – попросил он. – А потом возвращайтесь сюда учительствовать. Заодно заберете свои книги из таверны. Я вас уже встретить не смогу. Вот деньги на дорогу, – он пошарил в кармане и достал несколько серебряных монет.

Я не придавал его словам о встрече особого значения, сделал то, о чем меня просили. А когда вернулся, то узнал, что молодой барон со своей белой собакой были раздавлены упавшим на них мостом во время ремонта его подъемного механизма. Глубокая печаль вошла в мое сердце.

Похороны были скромными. А когда ставили памятную доску на стену замка, то не могли установить дату рождения молодого человека, и некоторое время на ней значилась только дата смерти. Несколько позже я посетил его могилу и вдруг увидел обе даты жизни, но не поверил своим глазам – между ними было 450 лет».

– Ну, не особо верящие в чудеса историки могут сразу сказать, что если он был последним в своем роду, то могли указать дату начала рода и дату его завершения, – сказал я, осторожно разнимая пинцетом следующие листки рукописи.

– Библейский Ной вообще, по преданию, шестьсот лет до потопа жил и триста лет после, – вставила Марта. – И проверить это тоже никто не может. А современная наука определяет энергетический предел человека в 1200 лет. Да и мы с вами не по 60—70 лет уже живем.

– Мам, а, может, он из нашего времени, или из будущего вообще?

На Владин вопрос никто не ответил. Я тем временем расцепил слипшиеся листки и был готов продолжить чтение, благо совсем немного там оставалось разбирать...

«Думаю, что не один я видел начальную дату, поскольку все разговоры о почившем господине в деревне и маленькой пивной, где по субботам собиралось все взрослое мужское население, прекратились. На годовщину только один я посетил его могилку в углу крепостного двора, больше никто не пришел. А я видел-то его всего раз в жизни!

В скорбной задумчивости перед таинством нашего брэнного бытия я обошел кругом башню, а, когда повернул назад, то почти сразу увидел ту самую потайную дверь. С сильно бьющимся сердцем я приоткрыл, а потом и совсем открыл ее. Над ведущим вниз ходом так же светились странные трубчатые фонари. Я перекрестился и решил все-таки спуститься. На полпути вниз дверь за мной сама собой закрылась, но свет не погас, и это прибавило смелости. В той комнате с низким потолком и диваном, где я тогда был, на столе никаких кушаний не было, а лежала стопка фолиантов в кожаных переплетах, один из них был открыт. Я посмотрел на страницу – она была испещрена непонятными мне рельефными значками, с правой стороны по краю тянулась темная, отливавшая металлом полоса. Помимо книг на столе лежала плоская дощечка с прорезью в боку, покрытая сверху матовым стеклом. Оно было окантовано голубой рамкой, очень красивой. И стояло зеркало на высокой витой ножке, в котором я увидел свою небритую уже пару дней и испуганную физиономию. Я все это еще потрогал, чтобы убедиться, что мне не мерещится.

Из комнаты вели две арки. За одной из них я обнаружил огромную деревянную кровать с атласными перинами и богатыми покрывалами с вышитыми на них гербами. Около нее на маленьком низком столике стоял подсвечник с тремя витыми свечами, они не горели, а свет шел откуда-то с потолка. Потолок тут был пирамидальный, сходящийся в центре четырьмя своими гранями. Вторая арка мне показалась интереснее – за ней был большой круглый зал со сводом, но едва я просунул в нее голову, как на меня обрушился сильнейший удар, и я потерял сознание, проваливаясь в какой-то колодец...

Очнулся я под потолком свода зала от ощущения яркого света. Внизу у стены я с удивлением заметил свое скорченное тело и шесть фигур с ритуальными фартуками и большими деревянными циркулями, ножки которых они аккуратно устанавливали на вершины нарисованного внизу шестиугольника. Внутри него находилась ярко светящаяся трехгранная прозрачная пирамида. С тихим пением фигуры начали медленно смыкать вытянутые руки, в которых были зажаты головки циркулей, перемещаясь вовнутрь шестиугольника. Как только они сомкнулись над вершиной пирамиды, все они исчезли. Пирамида исчезла тоже, от нее я видел только нарисованный на полу контур.

Зрелище настолько поглотило меня, что я не заметил еще одну фигуру, которая склонилась над моим скрюченным телом и надевала на мою голову изогнутую проволоку, кучка таких проволок лежала тут же. Потом фигура легко потащила меня и положила в центр рисунка на полу.

– Мы не возьмем тебя, шепчущий, – зазвучало в моей голове, – ты вернешься обратно в мир...

Селяне нашли меня у стены башни с разбитой головой, но еще живого, через день. Я полностью потерял слух и речь, но постепенно обнаружил, что могу писать и через это общаться с миром. Всевышнему было угодно не покинуть меня своей милостью, он дал мне жену и приработок, но детей у нас нет. Я постарался записать по памяти случившееся со мной, но показать кому-либо не могу, ибо боюсь, что сочтут невменяемым. Я уже не так молод, но это письмо я попрошу прочесть только через двести лет после окончания моего земного пути...»

– Если у него не было детей, то как он мог быть дедом Кобелевича? – прервала наступившее после чтения молчание Влада.

– Вопрос о потомстве резонный, – усмехнулся Ростислав. Влада при этом немного смутилась, хотя смутить ее было вообще крайне сложно. – Но дед у Кобелевича был, и этот исторический факт легко доказывается существованием самого приват-доцента. Его потомок же был в компании нашего Меера. Даже два потомка.

– А кто это? – поинтересовался я. – Неужели сами братья?

Ростислав довольно кивнул.

– Они вполне могли носить славную фамилию своего предка, но предпочли сценический псевдоним бабки, провинциальной и малоизвестной актрисы, которая бежала из России со своим мужем во время мировой войны в начале двадцатого века.

– Жалко... – тихо пробормотал я.

Но Ростислав услышал и вопросительно взглянул на меня.

– Андроидами они выглядели бы интереснее, – пояснил я.

– Они и стали андроидами, – вмешался в нашу беседу голос Вебсика. – Озвученное Юрием сообщение подтверждает это.

Мы непонимающе переглянулись.

– Отдав свои разумы, они все стали андроидами, – пояснил Вебсик.

– А те шестеро с циркулями, что это? – спросил я.

– Мой экспресс-анализ текста показывает, что там была одна фигура – барона Фраймера. Остальное – оптические или психические иллюзии этого учителя, – сообщил Вебсик. – Вы знаете, что такое возможно.

– Вебсик, – вдруг спросила Марта. – Если на Славу надеть обруч, то его можно будет услышать?

– Он будет «шепчущим», – согласился Вебсик. – Вы можете его не понять. Не рекомендую, но пробовать можете.

Через пару дней, заполучив очередное «окно» в своих занятиях, Влада решила предпринять попытку осмотреть старый замок и его башню, используя маленького разведчика.

Накануне к нам прилетели Володя с Юлей. Ростислав Петрович у нас задержался, явно проявляя интерес к предстоящей вылазке. Вебсик о ней тоже знал, но уклонился от приглашения принять участие. Наиболее часто с ним последнее время общались только Марта и Ивин по поводу лечения Славы и наших ребят. Мы с Владой регулярно посещали «море», но никакой информации нам там не поступало. Видимо, не пришло время. Но у меня было стойкое ощущение, что затянувшееся затишье скоро кончится.

В той самой комнате, в которой год назад мы аврально монтировали оборудование для контроля над «шарахами», за несколько месяцев был подготовлен пост оператора «разведчика» и его помощников – второго пилота и штурмана. Честно говорю, тут мы постарались! Смотрелось – почти как командный мостик на звездолете. Перед самим оператором находился настоящий «звездолетный» обзорный экран, я, было, его сам нашел и почти вытащил с космосклада по своим полуофициальным каналам, как некогда информаторий, но мою инициативу обнаружил и пресек Ростислав. Пришлось писать официальную заявку. В итоге, мы его получили пару месяцев назад на законных основаниях. Антураж вышел вполне внушительный: консоль оператора по бокам завершали мониторы текущей телеметрии и компактные консоли штурмана и второго пилота. Перед каждым был трехмерный экран малого обзора. У стены стояли полукругом гостевые кресла для наблюдателей. Словом, готовились мы основательно, и сейчас, по сути, была первая практическая обкатка комплекса.

Мы, четверо, заняли гостевые места, а Влада с близнецами – места экипажа. Пусь хотел было залезть на колени к Владе, но я решительно забрал его к себе. Марты с нами не было. Как я понимаю, идея, подсказанная старой рукописью, ее захватила, и она всерьез пыталась установить связь с мужем через обручи и мыслеречь. В этом ей согласился помогать Ивин, а обручи откуда-то от башен время от времени притаскивали Пусь и Джека. В гостиную уже образовалась горка этих обручей. Как понимаю, подобрать из них подходящий для Славы было непросто.

Разведчик пополз к замку. Его малые размеры (он был раз в двадцать меньше прототипа) сильно замедляли и усложняли движение, и картинка давалась с низкой позиции, что было непривычно. Неприметный бордюр выглядел внушительной стеной.

– Может, сбегать, поднести его поближе? – спросил я Владу.

– Можно, – прозвучал ее голос из подголовника кресла, – но не «сбегать», он сам справится. Ион, давай!

Ион, занявший место второго пилота, поднял машину в воздух и вскоре опустил ее почти у стены башни замка. Я этой возможности за малышом не знал.

– Мы вообще думаем, что машинка по конструкции намного опережает свое время, – заговорил Ион. – И по материалам тоже.

– Значительный прогресс по сравнению с большим разведчиком, – согласился Володя.

– Возможно, что она вовсе ничего не опережает, потому что время его разработчиков, если это общие разумы Меера, может течь быстрее, чем наше, или они развиваются быстрее нас, – сказал я. – Если они андроиды, то это вполне возможно. Исключить, что его создали разумы Меера, мы не можем. Подтвердить, впрочем, тоже, как и объяснить, почему такой замечательный аппарат пять или шесть лет назад попал в руки детям и спокойно простоял в классном шкафу, ожидая своей участи и не пытаясь выбраться.

– И с чего это он вдруг завелся у меня, – вставил Володя.

– Интересно, что бы с ним было, если б он из классного шкафа попал не тебе в руки, а на свалку? – изрек я.

– Это была бы совершенно другая история, – улыбнулся Ростислав Петрович. – Посмотрите лучше на экран, ничего не замечаете?

Влада вела машину на некотором расстоянии от стены башни замка так, чтобы вся ее поверхность, пусть снизу вверх, но была видна. Поверхность была сильно шербо-
ватой. И,

только присмотревшись, я начал различать на ней какие-то черточки. Как мне показалось, они складывались в некий орнамент. Уловить его я что-то никак не мог, видимо, мои мысли не давали сосредоточиться.

Одна стена кончилась, потянулась другая, такая же щербатая. Машина доползла до ее конца, повернула обратно, и тут при косом освещении я явно увидел портрет человека.

– Стоп, – скомандовала Влада. – Фиксируем.

На второй половине большого экрана компьютер вывел тонкий профиль молодого человека со строгими глазами, над которыми вразлет расходились прямые густые брови. Его лицо, нос с небольшой горбинкой, решительно сжатые губы говорили о прямой и упрямой натуре.

– Вот ты каков, барон Фраймер, – сказал Ростислав. – Да, это точно, твой замок...

– Вы видели другие портреты? – спросил я.

– Один портрет сохранился, – кивнул Ростислав. – Правда, гравюра. У меня хорошая память на лица. Но сравнить не помешает...

– В замке Фраймера, по описанию в рукописи, был подъемный мост. Он же его и придал. А в нашем нет никаких следов моста и его механизма, если уж на то дело пошло – усомнился я.

– Ты родился скептиком, Юра, – проворчал Ростислав. – А искать способны только романтики. Даже старые.

Зет в это время что-то лихорадочно набирал на своей «штурманской» консоли.

– Вот, смотрите, – известил он. – Оценка случайности для данного изображения ниже уровня математического доверия. Надо сменить ракурс. Ион, подними разведчик на уровень глаз среднего роста.

На уровне глаз нам была видна только выщербленная стена, без каких либо намеков на рисунок.

– Так что это красиво, но – мираж.

– А это тоже мираж? – показала Влада куда-то вниз экрана.

Там на каменной кладке стены был четко виден тонкий контур двери. Только войти в нее мог лилипут. Мы заспорили. Ростислав Петрович был уверен, что наш замок и есть замок барона Фраймера. Я в этом сильно сомневался. «Портрет» и «дверь», конечно, аргументы важные, но мы кроме каменной кладки на месте «двери» ничего не обнаружили. Даже никаких пустот.

Обследовали весь двор. Ничего примечательного. И никакой памятной плиты на стене об этом бароне, конечно.

В башню замка вел обычный вход. Перед ним была небольшая площадка с несколькими сильно выщербленными ступенями, в проеме еще болталась на одной петле створка тяжелой двери. В самой башне было темно, и разведчик зажег свои прожекторы. Перед нами поплыла панорама унылых стен, поднимающиеся вверх ступеньки узкой лестницы. Плит пола под слоем пыли и грязи видно не было.

– Взлететь нельзя, – сказал Ион. – Всю пыль только поднимем.

– Ехать тоже, – отозвалась Влада. – В пыли утонем. Тогда – шагаем.

Выдвинулись бортовые манипуляторы, и машина на них шустро направилась к центру помещения.

– Не так быстро, – сказал Зет. – Помедленнее...

Он что-то пытался настроить на своем экране. Наконец, ему это удалось. Зет повернулся к нам.

– Вот, смотрите, такая иллюзия, что мы внутри какой-то объемной фигуры, а снаружи ее не видно.

Действительно, на его экране изображение внутренностей башни передавалось словно через прозрачную тончайшую пленку, натянутую на невидимые грани некоей пирамиды. На всех других экранах такого эффекта не было.

– Что ты там накрутил-то? – подошел к брату Ион.

Вместо ответа Зет показал на панель телеметрии. Влада мне как-то говорила, что маленький разведчик практически не имел специальных датчиков, он сам был одним универсальным датчиком. Телеметрия его движения показывала чуть заметные «всплески», будто пересекались какие-то силовые линии, а в ряде мест машина сильно замедляла ход. Но я могу поклясться, что он двигался только вперед с одной скоростью!

– Такое впечатление, что тут время тянется неравномерно, – пробормотал Зет.

– А почему другие экраны ничего не показывают? Ты изменил чувствительность? – спросила его Влада.

Зет кивнул.

– Изначально чувствительность задана порогом естественного фона, – пояснил Ион, изучая пульт брата. – А Зет задал порог чуть ли не астрала. Вот и мерещится.

«Зет прав», – вмешался вдруг голос Вебсика. Его мыслеречь прозвучала так громко и неожиданно, что я вздрогнул. – «Воздействие слабое. Сила в слабости».

Я посмотрел на товарищей и понял, что они слышали то же самое.

– Если и дальше повышать чувствительность машины, то воздействие станет сильным, – с явным беспокойством произнес Ростислав Петрович и попросил:

– Вебсик, раз твое присутствие обнаружено, то помоги понять, насколько это опасно?

– Удар «шарахи» на короткое время многократно повышает чувствительный барьер человека, и он не может сопротивляться. Гибнет структура памяти. Тут – аналогично. Угроза оператору, который ментально связан с датчиком. Риск не оправдан, – ответил Вебсик.

– Но мы же в детстве тут бегали, – растерянно произнес Ион.

– + Вы были защищены, – коротко ответил Вебсик.

– Я так понимаю, – вставила Влада, – что дело не в защите, а в том, как мы связаны с разведчиком помимо пульта управления?

– Разведчик – это мобильный датчик, – пояснил Вебсик. – Пульт – фильтр и транслятор его сигналов на ваш уровень. Вы связаны с пультом и, через его неверные настройки, можете получить удар. Я изменил пульт для безопасности.

Признаюсь, что угроз со стороны нами же собранного пульта управления никто не ожидал. Мы решили не рисковать и повернули машину обратно к выходу. Было ясно, что башня старого замка хранит новые загадки.

В кожаной папке с рукописью деда Кобелевича добавилось два документа – портрет предполагаемого барона и контур двери. Больше мы тогда ничего не нашли.

Глава 2. Лунная командировка

Приближался срок отлета на Луну. Мы с Владой прошли медицинский контроль и теперь приучали Пуся пользоваться мудреной полетной атрибутикой – на орбите и челноке «Земля – Луна» столбиков и кустиков для выгула не предполагалось. Нам прислали специальный собачий бокс, и Пусе на полянке у палатки с двумя нашими больными через обруч мною была прочитана целая лекция. Джека, сразу понявшая, что ее это дело не касается, демонстративно нас игнорировала.

«Вот, смотри, – формулировал я псу задачу, побрызгав в нужное место бокса специальным раствором, выданным мне для дрессировки. – Чуешь, чем пахнет?»

«Ффы, – морщился пес. – Даже приبلудная кобелина такого не оставит...»

«Чуй, давай, – сердился я. – И запоминай, что тут тебе делать надо!»

«Ты не сердись на маленьких, – отвечивал Пусь. – А такую вонь перешибить я не могу...»

Уже второй день он каждый раз вылезал из бокса и поднимал ногу рядом с ним.

– Ну, как успехи? – поинтересовалась подошедшая к нам Влада.

– Ммм, – грустно махнул рукой я. – Никак. Прыскаю вот. Уже второй день...

– От тебя уже пахнет, – принялась она.

«А я про что! – обрадовался Пусь. – Совсем меня запутал запахами!»

– Если хочешь ехать с нами, то делай, что тебе говорят! – рассердился я.

– погоди, – Влада стащила с меня обруч и надела на себя. – Отдохни пока на травке.

Я послушно растянулся на траве, а она, обняв Пуся, начала с ним свой тет-а-тет.

Через некоторое время пес послушно отправился в бокс, и Влада его похвалила.

– А мне, чтобы меня похвалили, тоже в бокс отправиться? – поинтересовался я.

Она сердито взглянула на меня:

– Не мешай.

Короче, рефлекс они выработали и закрепили. Ура древнему Павлову и современным интерфейсам. К полному возмущению Джеки, Пусь теперь отказался ходить гулять в дождик, и этот бокс занял почетное место в доме. А после того, как мы получили на Пуся летный комбинезон с фирменными цветами «СБ», готовность к перелету была полной. С тигрицей было все много проще. Ее основательно пропылесосили и обработали антистатиком. Провожали нас на подмосковный космовокзал близнецы и Володя с Юлей. Операторы региональной хроники, конечно, попросили попозировать. С собой мы везли три венка, один из них был «От Славы и Марты Серегиных памяти Смита и Эльзы Рейс», два других от нас с Владой и Ростислава Петровича.

Летели мы, чтобы избежать перегрузок, на космолане, который поднимал пассажирский отсек до стратосферы, а потом тот уже сам стартовал до нужного спутника. Так было, конечно, дольше, чем другими способами доставки, но спокойнее. И невесомости там всего часа три, можно пережить. Объяснить Пусе, что такое невесомость, мы на Земле так и не смогли. Боялись, что она его напугает, но лохматый все три часа продрых у Влады на руках.

«Орбитальный-11» был сравнительно небольшим, но уютным сооружением, на котором любили устраивать всякие конференции, и именно на нем я раньше бывал чаще всего. Тут даже знакомые были, боцман Димыч, например.

– Я тебя поздравляю! – завопил он, зайдя меня на пассажирской палубе. – Двое детей – это круто!

Я тупо уставился на него.

– Что ты так? – не унимался шумный Димыч, тиская меня в своих медвежьих объятиях. – Боцман все знает! В реестре пассажиров так и записано – «доктор Кивин с супругой и двумя детьми»! От боцмана ничего не скроешь!

Вот оно что! Я заметил, что Влада с Пусем и Дебби уже подошли к нам. Пусь Димыча помнил по его земным визитам к нам и поскреб лапой его ногу, обращая на себя внимание.

– Пуся! Друг! – отпустил меня Димыч, наклоняясь потрепать цверга, но тут его взгляд наткнулся на нашу бенгальскую «кису», которая сидела рядом, совсем натурально постукивая по полу кончиком хвоста и приподнимая в «улыбке» верхнюю губу.

– Ыык... – произнес Димыч, замирая на месте.

– Это моя жена Влада с двумя нашими детьми по реестру, боцман, – вежливо сообщил ему я и представил его самого. – А это, Влада, боцман Дмитрий Дмитриевич, для друзей – Димыч, хозяин нашей палубы.

Димыч хотел было галантно поцеловать Владе руку, но тут наша «киса» ему тоже протянула свою лапу и ослепительно улыбнулась, показывая мощные и, как я знал, вовсе не бутафорские клыки. Димыч поспешил откланяться.

– Вы так мне всех друзей распугаете, – задумчиво произнес я, смотря на его удаляющуюся спину. – Может, Дебби какой бантик или что-то еще надеть. Серьезно выглядит девочка у нас.

– Ну и хорошо, – возразила Влада. – От несерьезности толку никакого.

Меньше чем через час мы уже устраивались в лунном челноке. Летели с переменным ускорением, которое давало комфортную силу тяжести, за время полета снижавшуюся до лунной – это совсем недавно тут появилось, я раньше такого не встречал. Думаю, что мне повезло, – с нами летела группа стажеров из Владиного института, и она с Дебби оказались в центре внимания. А мы с Пусем хорошо выпались. Но за несколько часов до Луны мой коммуникатор вдруг проснулся. Вызывал Зет.

– Привет, – сказал я ему. – Что, не спится?

– Влада с собой маленького разведчика взяла, что ли? – сразу спросил он.

– Нет, я такого не помню, а баул мы вместе паковали. Проверить смогу только после посадки – он в багажном отсеке. Могу у нее самой спросить, она – рядом.

– Спроси, только не привлекая стороннего внимания.

На мой вопрос Влада отрицательно покачала головой. Она его не брала. Теперь мы уже слушали Зета вместе.

Для маленького разведчика в той комнате нашего дома, откуда осуществлялось управление им, была заведена специальная полка. Зет зачем-то туда заглянул и увидел, что она пуста.

Я скреб голову, пытаюсь нагнать хоть какие-то мысли. Влада в задумчивости морщила нос и машинально расчесывала его кончик. Пусь и Дебби уселись напротив и сверлили нас взглядами, выражая готовность оказать любую поддержку.

– Я его точно дезактивировала, – сказала Влада.

Зет на экранчике коммуникатора кивнул.

– Дом подтверждает, что разведчик дезактивирован, но на полке его нет.

Я начал прикидывать график предстоящих мероприятий, чтобы выбрать возможный момент для досрочного возвращения. Получалось, что только через два дня.

– Вебсика попроси помочь поискать, – посоветовал я Зету. – Вдвоем с Ионом для усиления просьбы.

– Уже, – кивнул Зет. – Он и сообщил, что в доме его точно нет. И команд на его активацию дом не получал.

Я задумался.

– Вижу только одно объяснение. Но, фантастическое. Маленький разведчик существует, пока Влада на Земле. Если ее нет, он пропадает. Слушай, Влада, а ты никогда раньше о нем не думала?

Влада озадаченно посмотрела на меня.

– Ну, знаешь, это уж совсем невероятно. Когда мы в детстве стали кататься на большом разведчике, то я часто мечтала иметь такого же маленького, очень умного и послушного, чтобы я его могла укладывать спать в кукольном домике... И была так рада, когда ребята вдруг мне показали, а потом отдали в класс этого малыша... Они уехали в долину, а я часто ходила в класс к маме, чтобы просто поиграть с ним. И мечтала о том, что у меня будет такой славный друг, который везде пролезет и все узнает... Это же детство.

– Вот видишь, дорогая, как детство становится большим, – улыбнулся я. – Оно порой вырастает в большое взрослое детство.

Меня вдруг посетила неожиданная мысль. Надо будет проверить.

– Ион, Зет, поищите в своих досье, кто из компании Меера имел хобби моделиста. Может, железнодорожного моделиста, который макеты делал. И поройте старые модельные каталоги их времен, поищите там ту стену и камнедробилку из Соловья.

Зет отключился. А глаза у Влады стали почти круглыми, как у ее тигрицы и Пуся.

– Ты хочешь сказать, что там были модели?

– Не знаю, модели ли, но что-то в их натуральную величину.

– А почему они тогда исчезли?

– А почему исчез твой разведчик?

– Порт «Луна-10», – объявили по громкой связи. – Посадка. Конечная. Просьба освободить салоны!

– Уаа, – сказал Пусь и полез в свой бокс.

Влада уже больше десяти лет не была на Луне, но контакты с оставшимися там сверстниками у нее сохранились, и накануне нашей поездки они были серьезно активизированы. Встречало ее человек двенадцать. Я не стал мешать ей, и мы с Пусем удовольствовались вниманием двух симпатичных блондинок у стойки инфоцентра космопорта. Маленькие заранее приготовленные сувениры сделали свое дело куда лучше, чем удостоверение СБ, заботливо сунутое мне в нагрудный карман Ростиславом. Пока я крутился в инфоцентре, Владу с ее тигрицей взяли в оборот «Лунные вести». Тут на Луне она была Владой Рейс, дочерью погибших исследователей. Я очень надеялся, что о моей персоне никто не вспомнит. Но надеждам было не суждено сбыться.

– Доктор Кивин? – прозвучало за моей спиной. – Не согласитесь ли побеседовать со мной?

Лицо корреспондентки показалось сильно знакомым – недавно мелькало в новостях. Но фамилию сразу вспомнить не мог – что-то на три буквы...

– Мелани Яан, «Подробности», – представилась она.

Угу, вспомнил, победительница всепланетного конкурса красоты «Мисс Ноги», как раз церемонию награждения с ней показывали, и я все невольно думал, откуда они у нее растут... Везет на встречи, однако...

– Можете ли вы сказать нашим слушателям и зрителям, означает ли открытие нашего мемориала возрождение попыток полета к звездам?

– На мой взгляд, их и не надо возрождать, – ответил я. – Вопрос не в том, лететь или не лететь, а в том, зачем лететь и как лететь.

– Родители вашей жены, Влады Рейс-Серегиной, погибли за эту идею...

– Мы в семье чтим их память и прибыли сюда для того, чтобы отдать им долг памяти здесь, – остановил я ее скороговорку. – Они погибли на своем посту, от этого никто не застрахован, к сожалению. Особенно при проведении исследований в новых областях.

– Все мы внимательно следили за катастрофой, которая год назад была на Земле в зоне аномалии. Вы были в ее эпицентре. Что вы сейчас можете сказать нашим слушателям и зрителям об этом?

– Могу сказать, что оказался там случайно, я просто купил там дом для частной жизни и переехал в него накануне тех событий, – чистосердечно сказал я, с трудом удерживая взгляд от замечательности ног моей собеседницы. – Сейчас мой визит сюда носит частный характер, все подробности тех событий обсуждались уже, в том числе и в вашей программе.

– А что вас побудило взять с собой ваших животных?

– Любовь и простое человеческое отношение к ним, – ответил я. – Мы скучаем в разлуке.

Пусть внизу поскреб меня лапой. Я посмотрел на него и краем глаза заметил, что Влада с Дебби уже направляются к нам.

– Я знаю, что вы ранее бывали на Луне. Вы заметили какие-то перемены?

– Я бы сказал, что все становится обыденным. Лунные порты и базы воспринимаются как обычные удаленные районы на Земле. Транспорт стал удобнее, – мы оценили преимущества полета с переменной гравитацией. Если не смотреть в окна, то я на Земле.

– Позвольте еще раз вернуться к катастрофе в зоне аномалии. Вы там могли погибнуть, но остались. Почему?

Влада уже стояла рядом с нами. Вопрос она слышала, и Мелани повернула к ней палочку диктофона.

– Там все произошло и кончилось так быстро, что мы просто не успели задуматься о том, что можем погибнуть, – мило улыбаясь, ответила за меня она.

– Уаа, – подтвердил снизу Пусть.

Теперь нам надлежало быстро топтать в жилой сектор в отведенные для нас комнаты и переодеваться для торжественного приема. Но путешествие получилось долгим – Влада по пути показала мне помещения детской зоны, где она росла, мини-парк и живой уголок. На базе теперь был отличный бассейновый отсек с имитацией большого пляжа. Навстречу изредка попадались сотрудники станции, которые нас узнавали и отмечали приветственными жестами.

Вечером по местному времени был запланирован общий ужин гостей и сотрудников базы. Там нас ожидал первый сюрприз – показали большой документальный фильм, во многих сюжетах которого были и родители Влады, в том числе и с ней на руках. Без слез она смотреть не могла. В одном сюжете я увидел и еще одно знакомое мне лицо – Ростислава Петровича. Надо будет расспросить его...

Утром транспортеры повезли собравшихся к мемориалу. К нему на поверхности проложили дорогу через развороченный взрывом испытательный центр. Покореженные балки и перекрытия были снизу подсвечены прожекторами и на фоне черного неба Луны создавали мистическое ощущение. Сам мемориал находился в небольшом кратере, как нам пояснили, тут был эпицентр взрыва. Полукругом стояли панели с именами погибших, перед ними – разломанная зигзагом черная и белая плита. На белой ее части в ладони вытянутой руки был земной шар, а на черной – мерцающий рисунок звездного неба с Млечным Путем. Транспортеры имели спереди герметичные обзорные площадки, с которых мы наблюдали, как маленькие манипуляторы понесли к мемориалу наши венки, флаги и световые вазы. Звучала траурная музыка. Влада сжала мою руку и словно оцепенела. Пуся и Дебби мы оставили на базе и тут были вдвоем.

После минуты молчания на транспортерах стали одним за другим выступать родственники, их речи транслировались во все машины. Дошла очередь и до Влады. Она поднялась на возвышение на нашей обзорной площадке. Одетая она была в черное, длинное до пят глухое платье строгого покроя с рукавами и стоячим высоким воротником (сама, между про-

чим, нашла фасон в старых журналах), в волосах четырьмя зелеными кристаллами светился обруч. Ее обращение к родителям было простым, коротким и эмоциональным. Собравшиеся по традиции подняли над головами сложенные ладонями руки в знак поддержки. Поклонившись мемориалу, Влада вернулась ко мне.

Скоро транспортеры повезли нас в обратный путь. Наша группа ехала на последней машине. Когда мы вошли в холл своего жилища, то нам навстречу поднялась старенькая седая женщина в простом распространенном здесь повседневном костюме персонала станции. Ее руки заметно дрожали.

– Доктор Кивин? – тихо спросила она, не отрывая глаз от Влады.

– Да, это я. Чем могу быть полезен вам?

– Я должна объяснить... – она вытащила платочек и протерла слезящиеся глаза. – Я – мама Эльзы, я не знала, что у меня есть внучка. – Она закрыла лицо руками.

Влада пришла в себя быстрее меня. Она обняла старушку и провела ее в наши комнаты. Та очень испугалась Дебби, но потом, только положив на нее руку и могла разговаривать – в начинке этого биомеха уже был какой-то генератор лечебных полей. Выяснилось, что некогда наша гостья была категорически против замужества своей дочери, и они рассорились так, что прекратили общаться. А потом она уехала со своим мужем Игорем в марсианскую автономию и прекратила по ее правилам все контакты с Землей. О том, что Эльза и Смит погибли, она узнала только совсем недавно, а про то, что у них была дочка, – вообще несколько часов назад, слушая ее выступление в соседнем транспортере...

До меня, наконец, дошло, что это и была та самая женщина, счастьем которой не захотел помешать Ростислав Петрович.

– Моего Игоря уже нет в живых, он погиб... Но я должна вам сказать то, что ему не говорила никогда, – тихо сказала женщина, перебирая нервными пальцами круглое ухо смиренно сидящей около нее Дебби. – Отцом Эльзы был другой человек, который пропал без вести.

– Да, – как ни в чем не бывало, кивнула ей Влада. – Ростислав Петрович, мой дедушка. Старушка потеряла дар речи.

– С ней же сейчас инсульт будет, – сердито шепнул я Владе. – Это же как обухом по голове...

– Каким еще обухом? – не поняла она.

– Выражение такое... Старое.

– Ростик... Откуда вы знаете? – прошептала старушка.

Когда все, наконец, выяснилось, и гостья успокоилась, Влада попросила прислать в комнаты еду и чай. Сидя за столом и жуя кусок любимого вафельного торта «Причуда» (тут он, кажется, назывался «Лунная причуда», но все равно тот же), я не удержался от хохмы:

– Ну, ты даешь, Владик! Деда нашла, бабушку вот тоже, может, нам куда еще слетать?

– А ты думаешь, я для красоты надела обруч? – спросила меня она.

Я с уважением посмотрел на ее прелестную головку, на которой ровным ярким светом горели зеленые кристаллы. Она уже успела сменить платье на свой любимый комбинезон с ромбами, но обруч не сняла.

– Так вот почему ты, выступая, обращалась прямо к ним!

Она довольно кивнула.

– Я надеюсь, что они меня слышали... Не зря же тут такой сюрприз.

Вечером я долго разговаривал с Землей. Признаюсь, первый раз я видел нашего генерал-коммандера и деда по совместительству таким растерянным, когда информировал его о появлении бабушки. Остальные новости были тоже интересными – то, что Ростислав Петрович принял за портрет барона, все же не являлось его портретом. Это был чей-то другой

портрет. И была порция новой информации от Вебсика – он сообщил Иону и Зету, что ему тесен супермозг в башнях и в доме, и он ищет новое пристанище. Наши офицеры связи (стажерство у них к тому времени закончилось) выдвинули опасение, что это может активизировать разум Меера, если он там, а также внесет изменения в нашу целительскую практику. Нет, что ни говори, мы уже привыкли за это время жить с таким незримым и полезным существом, как Вебсик...

Влада почему-то задерживаться на Луне не захотела.

– Наша программа тут выполнена, – заявила она, вернувшись с двумя посадочными картами в руках. – Еле достала места, многие летят обратно. Вылет через два часа. Собираемся?

Эмму Дэви, как звали найденную тут «лунную бабушку», ждали на Земле по приглашению Ростислава Петровича двумя неделями позже. У себя мы ее разместить не могли по причине неофициальной, но все же секретности, и ей готовились апартаменты в санатории Космофлота.

Обратный путь у нас получился менее комфортным: челнок был тот же, но салон другой, классом ниже. С нами летело много корреспондентов, моей соседкой с другой стороны прохода оказалась чересчур любознательная Мелани Ян, которую не смутила лежащая между нами на полу Дебби. Пусе повезло больше – его забрала на руки Влада, а ее сосед по ряду был спокойным и не мешал псу спать. Мелани же интересовало все на свете, и я волей-неволей был вынужден отвечать.

На «Орбитальном-11» нас ждал персональный шаттл СБ, и мы тут же отчалили на Землю на зависть корреспондентам и особенно Мелани, которых рейсовый космоплан должен был забрать через два-три дня. Меня не смогли тронуть даже ее всемирно известные ноги.

Пилот шаттла попросил показать наши удостоверения и пропустил внутрь машины. На таких дисколетах мне еще летать не приходилось. Внутри был один салон с пилотским креслом, экраном обзора и местами для пассажиров – шесть гостевых кресел. Когда мы проходили на посадку, боцман Димыч показал мне большой палец и отдал честь. Да, Влада с тигром сбоку и Пусем на руках смотрелась крайне колоритно.

На душе у меня было очень беспокойно. Я искренне надеялся, что пропажа разведчика – это какое-то недоразумение, которое сразу выяснится, когда мы вернемся. А если нет, то почти вся программа исследований проваливалась, даже не начавшись. И Вебсик туда же, жилье менять задумал...

А какое, собственно, право я имею на Вебсика или он на меня? – думал я, наблюдая, как начинает расти и заваливаться на шаттл планета. – У него какие-то свои цели, где-то на какое-то время они совпали – мы были вместе, нет – разбегаемся... Никто никому ничего не должен у нас с ним. Но у нас останется Слава, недоленные хотя бы до ходячего состояния мальчишки, да и этот Меер, коли вновь вылезет... Вебсик его, видимо, придавил там собой, он и затих, если не улетел с Земли. Искать Вебсика новый супермозг можно, но это уже надо делать официально, скажем, через Академию Наук, а туда нужны тома свидетельств, что он существует, а не является выдумкой ребятни и группки сотрудников СБ. Саша Ивин мне говорил, как ему приходилось составлять официальные отчеты по Славе...

Машина уже входила в атмосферу, ее начинало трясти и обволакивать плазмой. Я посмотрел на своих. Влада ничего, Дебби не подавала никаких признаков жизни, а Пусе было плохо.

– Сейчас успокоимся, – словно поняв мои переживания, сообщил пилот.

В самом деле, полет скоро стал мягким и каким-то упругим. Мы словно качались на гигантских волнах. Под нами, как понимаю, была Атлантика. Аппарат снижался по широкой дуге, уходя на север, а потом возвращаясь к югу.

– Мы до Москвы? – спросил я пилота.

– Нет, приказано почти до вашего Загорного, до санатория Космофлота, там есть посадочная площадка для нас. Оттуда вас заберут на коптере. Уже ждут.

Едва мы сели, как коптер притерся к выпущенной выходной аппарели. Ион помог нам закинуть вещи, и мы тут же взлетели.

– Чего такая спешка, можешь сказать? – поинтересовался я, сидя с ним рядом на месте второго пилота.

– Маленький разведчик вроде нашелся, – ответил он. – Мы думаем, что он сам проник внутрь башни и ведет самостоятельные исследования. Одна надежда, что он отзовется на призыв Влады.

– А еще что? И он ли это? Может, Меер?

Ион покосился на меня.

– Мы думаем, что он, не Меер. А с башни от этих исследований камни сыпятся, вот что. Она трясется, как в лихорадке.

– На дом передается?

– Есть, немного... Мы сейсмологическое оборудование забрали, вон, в салоне все им забито.

– А Ростислав?

– А Ростислав опять на коврах пыль выбивает, чтобы накрыли район и дали спокойно работать тут без лишних свидетелей.

– Погоди, а какую башню-то трясет? Меера? Куда он забрался? – спросил я.

– Трясет башню замка. Он там. А Меера я тебе сейчас сверху покажу, как раз пролетать будем. – Ион сбавил скорость до минимума и протянул мне визор. – Вот, смотри, что увидишь.

Того, что я увидел, было мне достаточно. Жаль, что раньше не посмотрел так близко. Это явно были автономные ячейки суперкомпьютера, из которых хотели в 2158 году на орбите Земли создать единый глобальный супермозг: там-де пространство неограниченно, сверхпроводимость и все такое. Я их видел горы на космоскладе, мог запросто с десяток забрать, но не мог придумать, что с ними делать. Тут они были поставлены на широкие основания, которые, видимо, их как-то использовали. В голове забрезжила идея натащить таких ячеек, если Вебсик скажет, что с ними можно для него сделать. Вот только, скажет ли?

Я коротко изложил Иону увиденное сверху. Еще несколько минут лета – и мы дома. Вон уже и Марта, Джека, а это кто там с ней? Неужели Слава?

Земля встретила нас мощным подземным гулом. Тут Влада сжала мою руку.

– Слушай... Помнишь, малыш двинулся было сам к дому, а после активизации остановился и стал послушным? Может, я зря его дезактивировала?

– Ты попробуй его сперва снова приручить, – ответил я. – Видишь, тут нештатно...

Влада запросила активизацию разведчика. Я уже было подошел к Марте, как гул стих.

– Получилось, что ли? – обернулся я к отставшей от меня Владе.

Но увидел только ее спину – она и вслед за ней Пусь всю бежали к дому и махавшему им в дверях Зету.

Около Марты действительно стоял Слава. Она его поддерживала, но не сильно, он стоял сам.

– Юра, – сказала мне Марта. – По-моему, он тебя зовет.

– ???

– Обручи мне передают шум, в котором я явно слышу «Юрий, Юрий»...

– Может, кажется?

Вместо ответа Марта сняла и подала мне свой обруч. Слава стоял неподвижно. Я знал, что он уже мог делать маленькие шажки, но приходилось поддерживать и направлять. Марта

приспособила для страховки одного из наших киберов, которые у нас и носильщиками, и дроворубами поработали... Но сейчас робот стоял в сторонке. Глаза у Славы были остановившиеся, они даже пугали – почти не моргали.

Я надел обруч, осторожно взял его за руку и приблизил голову к его лбу. У меня в голове зазвучал мерный шорох, будто гальку перекатывали вдалеке, временами он усиливался, потом опять ослабевал. В какой-то момент мне начало казаться, что действительно что-то слышно неразборчивое и похожее на «юггий». Я постарался расслабиться и послать больному мысленное ободрение. Вдруг я четко услышал: «Юггий... хрррпр... если... кррап... что... прреккпр... беггеги... бррюкк... владу...» Вот оно что!

– Он пытается произнести свое предупреждение, которое сообщил в своем последнем звонке сюда, – сказал я Марте. – Его просьба «беречь Владу» – оттуда. Любит он нашу девочку, даже через небытие любит, беречь просит...

Под ногами опять загудела земля. Значит, не получилось у Влады...

Я посмотрел в остановившиеся глаза Славы. Не знаю до сих пор, что или кто меня подтолкнуло тогда так сделать, но я осторожно пригнул к себе его голову (он оказался чуть выше меня), приподнялся на носках и соприкоснул кристаллы наших обручей. Моя голова превратилась в камеру вакуумного пылесоса, всасывающего булыжники и бревна, но оттолкнуться от Славы я не мог – обручи словно слиплись. Наконец он сам поднял голову и разорвал контакт.

«Спасибо, друг, – четко прозвучал у меня в голове его голос. – Спасибо, так хорошо»

Глаза его вдруг стали осмысленными и живыми. Я от радости его обнял и увидел, как с боку к нам подходит Влада.

«Девочка моя», – прозвучал у меня в голове голос Славы, и он сам начал медленно поворачиваться к дочери. Я его осторожно поддержал. Влада через свой обруч уже услышала призыв и бросилась к отцу. Так мы и застыли втроем, с ним посередине. Сбоку к нам с Владой встал на задние лапы подбежавший Пусь, а к ноге своего хозяина прижалась Джека. Сам же я был готов выть от нахлынувшей головной боли, но крепился.

Марта не сразу осознала случившееся, когда я вернул ей обруч, а, поняв, только нежно погладила мужа и отошла в сторону, шепча какие-то слова. Напряжение сказалось – Славу пришлось почти уносить домой с помощью робота, но он общался, хоть и мысленно!

Ион дал мне какую-то таблетку из аптечки коптера и поводил у висков найденным там же биостимулятором. Боль утихла и тихо бурчала в закоулках. Вроде терпимо.

– Не получилось у тебя? – спросил я Владу, когда снова мое внимание занял гул земли.

– Я шла, чтобы показать тебе, – ответила она. – Все получается. – Она активировала разведчика, и гул сразу стих.

– Вот только где он – совершенно непонятно. На экранах не разобрать ничего, телеметрии нет.

– А Вебсик дома?

– Дома, – кивнула Влада.

– Ион, будь другом, вызови сюда срочно профессора Ивина, может, слетай за ним сам и Расскажи по дороге, что у нас тут со Славой. Мы установили с ним контакт через обручи, мысленный.

От дома донесся гонг на ужин. Дом пунктуально собирал своих беспокойных постояльцев... А я еле дошел до столовой – ноги как ватные. И где-то в самом начале ужина вообще отключился.

Глава 3. День рождения

Очнулся я лежащим на постели в нашей спальне, с прилепленными на голове и груди датчиками. Влада сидела рядом и держала мою руку. Увидев, что я пришел в себя, она быстро меня поцеловала и убежала. Ко мне тут же полез обниматься Пусь. Вернулась она с Ивиным.

«Во, сколько провалялся, – подумал я. – Саша уже тут».

Голова была ясная. Я попробовал было подняться, но Саша меня удержал.

– Ты как? – спросил он, глянув на экран стоящего рядом диагноста.

– Выспался, – ответил я. – Голова не болит.

Саша пробежался пальцами по моему лицу и голове, нажимая какие-то точки, потом достал свой сканер и поводил им. Влада сняла с меня датчики, и Саша довольно проворчал:

– Да, вроде здоров. Ну, вставай тогда, чего разлегся, перепугал нас тут всех...

– Что со Славой? – поинтересовался я, натягивая комбинезон.

– Выдернул ты его, – сказал Саша. – Как – совершенно не понятно, но выдернул.

– А Вебсик что говорит?

– Слушай, ты со своим Вебсиком сам поговори, – прозвучало в ответ. – Мне он комментария не дал. Сказал только, что человек – центр многих вселенных, перекресток путей, как хочешь, так и понимай. И еще сказал, что речь Слава утратил, слух тоже. То есть общение только мысленное. Понял?

Саша ушел, оставив нас с Владой вдвоем. Она прижалась ко мне.

– Ты знаешь, – сказала она, перебирая пальцами мои волосы, – я поняла, что не могу тебя потерять. Что бы это мне не стоило...

Волну тепла и нежности к ней, которая поднялась во мне, описать сложно. Я подхватил ее на руки и медленно закружился со своей сказочной и невероятной девочкой...

– Сумасшедший, – наконец сказала она, – опусти меня сейчас же. Тебе ж покой еще нужен. Пережить такое... Опустит, милый!

– Уаа, – произнес Пусь, внимательно и довольно наблюдая за нами с покинутой мной подушки.

– А он теперь у нас вообще многодетный, – расхохоталась Влада. – У Джеки – шестеро. Мама с папой сейчас около них уже неделю там у себя прыгают.

– Хм, – почесал я голову. – Сколько же я провалялся?

– Почти два месяца, – сказала Влада.

Мы вышли в холл. Там уже нас ждали близнецы и Саша. Даже киберы вдоль стенки выстроились. Из гостиной появились Марта и Слава, сопровождаемые скользящей над полом кружевной лежанкой, из которой мне махала хвостиком Джека. Она не вставала, и ее сосало шесть маленьких пушистиков. Влада предусмотрительно надела мне обруч, все тоже были с ними. Я всех обнял-потрепал-погладил по очереди.

– Приглашаю всех в столовую! – объявил дом.

Да, место встречи изменить нельзя... Традиции нашего дома были непоколебимы. А что вы хотите – это же родовой дом Петерса и его семьи, я думаю, что традиции его от фундамента до крыши пропитали, и жить тут мог только тот, кто им не противоречил. Сейчас такие дома – редкость, если, вообще, не уникамы. Вон, мое городское жилье, если бы там не было рядом Саши с Валентиной и Витьки, то разве оно бы запомнилось? Сколько мест я уже сменил за свои сорок пять, а в памяти осталось только несколько, в том числе и родительская квартира в Москве.

В столовой меня ждал сюрприз. Ростислав Петрович и «лунная бабушка» вместе поднесли мне круглый торт со множеством горящих свечей. Вот те на, аккуратно на свой день рождения проснулся! Бывает же так!

Но больше всего меня порадовала надпись кривыми печатными буквами, возникшая на лежащей передо мной на столе салфетке: «Я рад. Вебсик». Я показал ее Владе, и она довольно кивнула.

Как я понял из рассказов за столом, мой «обморок» сильно затормозил развитие всех событий. Влада отложила эксперименты с разведчиком, посвятив свое время только учебе и уходу за мной, причем, «никого ко мне не допустила», как с уважением сообщил мне Саша. Разведчик был все время активирован, земля не гудела, но Ростислав Петрович все-таки пробил тут зону особых исследований, и все мы считались теперь сотрудниками исследовательского спецотряда. У входа на серпантин поставили внизу силовой барьер и внесли изменения в маршруты коптеров – нас теперь обслуживали только прикрепленные к нам машины. Состояние наших мальчиков – Саши-большого и Саши-маленького было без особых изменений, это огорчало. Ион и Зет окончательно убедились, что мой вывод насчет башен Меера был верен, и теперь, после долгих консультаций с Вебсиком, готовили ему новую «гостиницу», как сказал Зет. Словом, я «проснулся» вовремя.

– А где Дебби? – спросил я Владу.

Оказывается, Дебби улетела в «командировку» в лабораторию к Володе. Цели ее Влада не назвала, но улыбнулась достаточно хитро. Мне сразу вспомнилась записка от Вебсика «Дети ищут приключений», наверное, опять придумали что-то из этой серии. Так оно и вышло, причем очень скоро.

Под конец нашего застолья дом проинформировал:

– Гости!

В столовой появились Володя с Юлей со своими собаками, а за ними важно вошла Дебби с парой тигрят и Сашина Валентина с улыбающимся до ушей Витькой. Совсем большой парень стал – первогодник.

– Когда тут у вас такие новости, то мы усидеть не могли, но опоздали, – обняла меня Юля.

– Вроде живой, – удовлетворенно осмотрел меня ее супруг. – Новорожденный.

– Ну, трахнуло малость, поспал немного, – ответил ему я. – Бывает...

Валя обняла меня молча. А Витька уже был занят Пусем.

«Это Бим и Бом», – транслировала мне в голову Дебби, потерявшись своей большой головой о мою ногу. Я вопросительно посмотрел на Владу.

– Это мы с Юлей вместе придумали, – шепнула она. – Подробности потом, ладно? Я сама их впервые вижу. Симпатяги, правда?

Нашему дому ничего не оставалось, как продолжать поддерживать застолье. Но он был не против этого. А я – просто счастлив. Марта со Славой еще немного посидели с нами и, сославшись на утомление, ушли, забрав с собой Джеку с потомством. Я видел, что Славе трудно ориентироваться в групповой беседе, обручи помогали с ним общаться только «лицом к лицу», а так он был просто молодцом.

Глаз Ростислава несколько раз останавливался на мне. Нам удалось перекинуться наедине парой фраз. Из них я понял, что ситуацию можно считать только условно стабильной, и бездельничать нам не придется.

Прошло несколько дней. За это время мы проводили на Марс «лунную бабушку» – Эмму Дэви, которая, как мне показалось, к облегчению Ростислава Петровича, предпочла не ворошить сильно их общее прошлое. Профессор Ивин пару раз «комплексно диагностировал» мою персону, не нашел никаких отклонений, но строго предупредил, чтобы я не пытался повторить опыт. Честно говоря, я подумывал над тем, как бы таким же способом вытащить и наших мальчиков, но пришел к выводу, что катализатором нашего контакта со Славой был он сам: он же меня позвал. Никто из мальчиков этого не делал и не мог.

После беседы с Вебсиком на эту тему, у меня сложилось некоторое понимание механизма болезни. Скорее всего, это была защитная реакция человека на воздействие гравитационного удара «шарах». Как страус при опасности сует голову в песок, так и разум тут «закрывался» наглухо, а потом сам себя открыть не мог. У Славы осталась маленькая «лазейка» в форме его беспокойства за судьбу Влады: закрыться она не смогла, и это его в итоге спасло. Но, все это – лишь моя версия. Не более того.

Вебсик мне объяснил, что он пытается «очистить разум от самого себя» (его выражение дословно), но процесс очень медленный. Даже в «чистых» информационных полях, которые, как я понял, концентрируются в «закартинном» море и на полянке наших собакисов, замыкания сами собой распадаются с трудом.

Саша Ивин мои «откровения» выслушал с интересом.

– А с тобой-то что было? – поинтересовался он.

– Не знаю, – честно сказал ему я. – Пока не знаю.

Влада, окончательно убедившись, что мне ничего не угрожает, наверстывала учебу, темп которой был за это время у нее снижен. В один из вечеров она коротко мне пояснила их с Юлей задумку. Вспомнив, как благотворно повлияла Дебби своими генераторами биоволн на «лунную бабушку», она предложила создать таких «лечебных тигрят» и запустить их к обоим Сашам. Юле такая идея очень понравилась, и она принялась за ее реализацию. Задача этих тигриных малышей состояла в том, чтобы ослабить противодействие больных лечебному влиянию Вебсика, отвлечь их на тигрят. К проекту, насколько я знал, подключился и сам Володя. Вот они нам тигрят и показали.

Остановился на мне и глаз Ростислава.

На второй или третий день, после проводов бабушки Эммы обратно на Луну, он прилетел к нам и предложил мне приватно побеседовать. Мы ушли в кабинет и расположились в креслах перед камином. Дом тут же включил в нем имитацию пламени для уюта.

– Мы знаем, где маленький разведчик? – спросил Ростислав.

Я отрицательно помотал головой, ожидая продолжения.

– То, что тряслась башня замка, ровным счетом ничего не значит, – сказал он. – Она попала в точку интерференции силовых волн, а их источники, как показывает сейсмограмма, находятся в Соловье и в башнях Меера.

– Значит, разведчик или там, или там, – тоном первогодника-отличника заметил я.

– Или вовсе не там, – продолжил Ростислав. – Короче, соберите свои умные головы в могучую кучку и найдите, где он.

– Слушаюсь, – ответил я.

Мы замолчали, думая каждый про свое.

– Ростислав Петрович, – через некоторое время нарушил я паузу. – А вы знаете, чей портрет нам был показан на башне?

– Нет. Чей?

– Игоря, мужа Эммы Дэви. Это точно он в молодости. Она сама его узнала, когда увидела в операторском зале. Ей Влада его показывала во время экскурсии по дому.

– Тогда я ничего не понимаю, – пробормотал Ростислав.

– Мы с Владой предполагаем, что портрет, как и та дверь в стене, это просто какая-то информация из будущего. Кстати, Вебсик не подтверждает, но и не отрицает, что это возможно.

– Или из прошлого, которое мы недостаточно знаем, – возразил мне Ростислав.

– Я бы еще предложил бы сформировать рабочую гипотезу по разумах Меера, – предложил я. – Может быть, еще раз пообщаться с ними.

– У тебя есть идеи?

– Ну, до конца не все сведено, но что-то брезжит. Рассказать?

Он кивнул и приготовился слушать.

– Предположим, что всей той команде, которая сюда сбежала после банкротства фирмы, удалось стать андроидами и у них есть супермозг. Точнее – две ячейки от глобального супермозга, который некогда хотели было строить и бросили. Для начала этого вполне достаточно. Они делают биомехов, чтобы вырастить или захватить для себя новые тела. Сами понимаете, что сложность их задачи растет и рост объема мощностей супермозга им требуется в геометрической прогрессии, а этого у них нет. Тогда они занимаются перестройкой структуры имеющегося и создают нечто более мощное и гибкое. Влада обнаружила такую структуру в маленьком разведчике. И теперь ясно, почему он тогда поехал именно по направлению к дому.

Ростислав Петрович схватывал идеи и соображал очень быстро.

– Он хотел уничтожить Вебсика?

Я кивнул.

– Или уничтожить, или вытеснить, или заблокировать. Как только разведчик вышел из подчинения Влады, то он, видимо, повторно предпринял такую попытку и Вебсик его изолировал. Башня трясется, как закрытая дверь, в которую ломятся. Почему Мееру мешает Вебсик, ясно вроде. Он использует их супермозг. Это борьба за жизненное пространство.

– И что ты хочешь предпринять?

– Во вселенной Вебсика нет ничего похожего на человеческое. Но мы ему интересны, и он нас не разрушает. Меер – человеческий продукт, он может и разрушить. Нам надо помочь Вебсику. Нечеловеческому по-человечески.

– А как ты объяснишь «шарахи» в Соловье? И их атаку год назад?

– Я чувствую, что это все звенья одной цепи, но пока это во многом интуитивно, – пожал я плечами. – Официальная теория происхождения «шарах» многого не объясняет, но Институту Времени она удобна. Насколько она удобна нам – пока не берусь судить. «Шарахи» появились одиннадцать лет назад, после Церна. Миху тогда было двенадцать лет, а Владе – шесть. А через год после появления шарах пятигодник Мих начинает тут общаться с Вебсиком. Вот и напрашивается вывод, что Вебсик связан с «шарахами»...

Я ожидал, что Ростислав Петрович что-то мне возразит, но он внимательно слушал. И я продолжил свой монолог.

– Мне хорошо бы посмотреть экспертные заключения, что там у них произошло тогда в Церне, что они делали, все-таки... И почему, после этого случая, телепортацию у нас так и не видно? А разговоров про нее было – во! – я сделал красноречивый жест. – То, что мне известно об этом эксперименте, позволяет предположить, что они все-таки добились успеха и получили свой «прямой луч» для телепортации, но не между своими резонансными математически рассчитанными точками на спутниках, а между башнями Меера и Соловьем. И телепортацию провели – из башен Меера в Соловей перенесли две модельки сооружений, которые в натуральную величину стали, в башнях они, возможно, в мелком масштабе были. Вот, – я дотянулся до стола и взял с него свою планшетку, – посмотрите, нашел в архивах модельный каталог начала двадцать первого века – они самые! И вспомнил, где я похожее видел – в Армагеддоне, там макеты основных городов Земли были.

Мою тираду Ростислав проглотил стоически спокойно. И «добил» меня просто классически.

– Это, конечно, прекрасно, – сказал он, – и ты – умница. Продолжай думать. Но вот, по моим данным, Эмма Дэви, которую мы тут все видели, официально никогда не покидала с момента отъезда туда границ Марсианской Автономии... Прими к сведению, но без расширения пространства.

За все время моей болезни маленький разведчик так и не был найден. Это понятно: в поисках должна была обязательно участвовать Влада, а ей было не до них. Разведчик она

активировала, земля не гудела – и ладно. Но теперь найти его ничего не мешало, кроме того, было озвучено пожелание Ростислава Петровича «собрать могучую кучку и найти».

«Могучая кучка» собралась из подручного материала – Влада, близнецы и мы с Пусем. Уже несколько часов мы пытались запеленговать местоположение разведчика, но тщетно. Дом исправно сообщал об активации, засвечивал пустой обзорный экран и – молчание. От разведчика никаких ответных сигналов не было. Но, стоило его деактивировать, как земля тут же начинала гудеть. Наши приборы рисовали крайне противоречивую картину.

– Мы можем установить точно, где находятся эти неуловимые резонаторы? – спросил я близнецов.

– По нашим замерам, – это левая башня Меера, если от нас смотреть, а в Соловье – здание вокзала на станции, – откликнулся Зет.

– Моя твоя не понимай, – тихо бормотал я, пытаюсь уловить хоть какую-нибудь зацепку. – Ростислав повелел найти разведчик, братия...

– Это откуда? – поинтересовалась Влада.

– Стилизация от полной тупости, – ответил я. – Единственно, что могу предложить всем – это замять нашу бестолковость прогулкой на море. Слово «прогулка» было Пусем истолковано на свой лад, и меня поскребли лапой.

Я наклонился к нему и взял в руки его умную голову.

– Ты с нами, конечно.

Два круглых карих глаза под белой челкой были согласны идти со мной куда угодно.

Мы направились в гостиную, но картина с морем была «занята». Перед ней стоял с обручем на голове Слава. От Марты я знал, что «доктор» Вебсик прописал ему принимать тут лечебные сеансы, и повернулся было, чтобы не мешать, но Слава обернулся к нам сам. Я надел один из обручей со стола, и в голове зазвучал Славин голос: «Ждал вас. Мне надо помочь вам. Идите сюда».

Мы подошли. Влада поцеловала отца и взяла его за руку. Слава повернулся ко мне лицом. Ему так легче было общаться и передавать мысли. Я это знал. Он достал из кармана своей рубашки кристалл личного дневника и протянул мне.

«Тут. Ты поймешь», – сообщил он. – «Влада тоже».

Этот кристалл с символикой Института Времени и инициалами «В.С.» на пластиковом футляре я уже раньше видел. Год назад он у меня был, потом – у Марты. Видимо, она его и вернула Славе. Я пожал его руку в знак благодарности.

Слава еще явно хотел что-то сообщить, но не знал, как. Он огорченно развел руками, виновато улыбнулся, погладил по плечу дочь и удалился в «свою» половину.

Я проводил его взглядом и спросил ребят:

– Повременим с морем?

Все согласились. Ион принес в гостиную ридер, и мы за большим столом углубились в Славины записи. Он их снова начал вести в своем дневнике.

Утомлять подробностями не буду, резюмирую самую суть. Конечно, всей сложности ситуации Слава по-прежнему не знал. Но он начинал вспоминать себя и делился ощущениями и отрывками воспоминаний. По ним выходило, что стазис в башне замка был тоже нарушен энерговсплеском в Церне и все сильнее начинал к себе притягивать «шарахи», чем Слава и объяснял атаку на Загорный. Про Меера он ничего не знал. И про наши приключения год назад – тоже. Но уверовал в Вебсика, постоянно сообщая в своих записках о его поддержке. Правда, называл он его по-своему – Силой.

– С папой рано что-либо обсуждать, – сказала Влада. – Он есть, жив, и на том спасибо. Мне хоть эти похороны его не снятся.

– А, кажется, в усилении стазиса есть некоторое понимание ситуации с разведчиком, – начал я. – Он может использовать его энергетику, наверное. Дезактивация отключила его от дома, а есть хочется...

Пусть вспрыгнул ко мне на колени, красноречиво оперся передними лапами на стол и облизнулся.

– Слово имеет Пусть с планеты Собакис! – шутливо объявила Влада. Хм, это где-то уже было...

– погоди, дай я закончу, – остановил я ее, прилаживая обруч на голову пса для беседы с ним. – Правильно, Пуся. Пожрать ему надо. Когда он активирован, то он кормится информацией от Влады и дома, если это такой же «инфоед», как Вебсик. А когда активации нет, то он пытается питаться тем, что его окружает.

– Влада, помнится, говорила об его уникальной и новой структуре, – продолжил я мысль. – А чем она питалась? Не обратила внимание? Я почему спрашиваю: в истории техники такой случай известен. Давным-давно, не помню, кто точно, американцы или китайцы, доставили на Марс ровер, который заряжался от местных ресурсов. Кроме солнца, он мог использовать ветер, разницу температур, химические реакции... Попал этот ровер в расщелину и застрял в ней намертво. Сперва с ним связь с Земли держали, а потом – бросили. Стали считать потерянным, а он сам там боролся за существование как мог. Когда марсианские колонисты через сто с лишним лет его нашли, то он умудрился им отвечать на сигнал активации. Но на это уходила вся его накопленная за долгие годы энергия, и он снова впадал в спячку. Что-то подозрительно похоже...

Пусть настойчиво поскреб меня лапой.

Я надел обруч и услышал его «идеи».

«Следов нет, значит, улетел. А трясется от страха, как кот на заборе», – сообщил мне пес.

Первая идея мне понравилась. Летать разведчик умел, мы это видели. Но страх – это эмоция, разве машина имеет эмоции? И перед кем или чем тут может быть страх?! Но я озвучил Пусины выводы для всех.

– Умница ты наш, – потрепала пса Влада. – Но трясется-то башня. И дрожит земля. От такого малыша вряд ли столько шума.

– Окно было открыто, – вспомнил Зет, – проветривали и забыли. Он мог вылететь...

– У меня идея! – сказала Влада. – В новой структуре разведчика я, правда, до конца не разобралась, но кое-что поняла. Он может действовать автономно, но использовать сторонние вычислительные мощности, если ему своих не хватает.

– Старый прием, – согласился Ион. – У нас четыре варианта тут: супермозг Меера, дом, ресурсы Вебсика и стазис.

– Не, стазис тут ни к чему, – запротестовал я. – Потом, мы не знаем его природу. Вряд ли в нем «вычислительная мощность». Это природное что-то, может, геотектоническое, гравитационное...

Влада укоризненно посмотрела на меня и продолжила свою мысль:

– Чтобы использовать Меера, Вебсика и наш дом разведчику нужны разрешения. Активизация как раз дает такое разрешение. Я даю разрешение использовать мощности мозга в нашем доме. Вебсик – свои мощности...

– Иными словами, все могут использовать этого разведчика, если ему разрешат? – спросил Ион.

– Да. Только он не ко всем обратится. Он настроен на меня, мое имя – его пароль.

– Так, хорошо, – сказал я. – В первый раз его пароль назвала не ты, а я. Вспомни. А до него большого разведчика мы активировали паролем «Вебсик». Если за паролем стоит

какой-то комплекс обусловленных им задач, то я могу понять, а если просто слово, то это пустышка.

– Точно, – поддержал меня Ион. – Пароль – это и ключ, и конфигурация системы машины.

– Тогда скажите мне, какой у него пароль, когда мой деактивирован? – спросила Влада.

– Либо свой собственный, либо чей-то еще, – вздохнул Зет.

Я пересказал ребятам свои соображения, высказанные некоторое время назад в беседе с Ростиславом Петровичем. Идея, что разведчика мог блокировать Вебсик, понравилась, но сомнения оставались. В частности, тезис о связи Вебсика с «шарахами» был «могучей кучкой» отвергнут сразу.

– Нам не треп, а разведчик нужен, – констатировал Зет. – И ответ на вопрос, с чего это замок трясется.

– А он пытается его взломать, – засмеялась Влада. – Вот стазис и трясется. И замок вместе с ним. Ты попробуй дверь взломать, сам увидишь.

– Ну, я читал, как раньше сейфы вскрывали – без всякого шума вообще, – возразил ей Зет. – Твоему разведчику еще долго учиться надо...

«Нам тут только робота-домушника не хватает», – подумал я.

– Если он «инфоед», как Вебсик, то обязательное условие его стабильного существования – постоянный информационный обмен. Все верно, ребята, – сказал Зет. – Мы его деактивировали дома, и наш дом стал для него клеткой-изолятором. Заряд сел. Он «проголодался» и нашел силы улететь искать другие источники. Видимо, поле стазиса перетянуло все другие, раз разведчик пытался зарядиться от него...

– Стазис – это состояние, в котором все впадает в ступор, – заметил я. – Пока мы в него от долгих рассуждений не впали, какие предложения по поискам?

– Прикинуть вектор от дома до замка и тупо с граблями поискать по нему, – предложил Ион. – Понимаю, что иголку в сене ищем, но...

Ничего другого в коллективный разум, увы, не пришло. Так и поступили. Близнецы прикинули трассу между домом и старым замком и взяли фонари – уже стемнело. С ними увязался Пусь. Пропажу они нашли недалеко от дома – почти у края дороги, ведущей от серпантина к замку, в густой траве лежал наш разведчик.

Радость от возвращения машинки быстро сменилась недоумением: в ней не было ни капли энергии. Как ее «зарядить», никто из нас не знал. Володе тогда это как-то удалось через головную часть от большого разведчика, но теперь она была далеко и настолько в препарированном виде, что рассчитывать на нее не приходилось.

А у меня возникло ощущение, что не разведчик искал контакт со стазисом, а стазис из башни замка рвался к нему на помощь, когда у маленькой машинки возникли сложности. Но доказать это я не мог.

Глава 4. Встреча с мозаикой

Мы засиделись до поздней ночи. Наконец, Влада удрученно отложила нейросканер.

– Никак... – сказала она матери, которая пришла поинтересоваться, как дела.

– Влад, не спеши с выводами, – посоветовал я. – У него может быть бесконтактная зарядка, разные алгоритмы ее активации. Завтра попробуем сунуться к башням Меера...

Марта отрицательно покачала головой. Она почему-то очень настороженно относилась к любым упоминаниям о Меере.

– Володя, как я помню, пробовал с разведчиками на полянке, – сказала она. – Отнесите его туда, пусть постоит, может, зарядится сам.

– Прямо сейчас и отнесем, – согласился я. – Заодно погуляем немного. Влад, мы с тобой последний раз когда гуляли-то?

– Тут погуляешь, – усмехнулась Влада. – Пошли...

В стороне башен было видно как бесшумно садится освещенный снизу грузовой дискослет. На «стройку» Вебсика прибыла новая партия ячеек памяти. Когда я их увидел вблизи, то поразился – они были совсем небольшими, где-то полтора на два метра. А мне на складе Космофлота они огромными показались. Сборку своего нового дома Вебсик вел круглосуточно, сам выдавая указания роботам-монтажникам. Изредка к нему заглядывали близнецы, больше он никого не приглашал. Основная часть его сооружения уходила глубоко под землю, но никакого шума от горных работ мы не ощущали. Один раз только Вебсик с близнецами передал, что наверху у него планируется гостевая-приемная и нечто «очень красивое»... Все это время, если возникали какие вопросы к Вебсику, он отвечал на них с задержками.

Пусть развеселился и носился вокруг нас со своим потомством, оставив Джеку соблюдать чинный вид. Наконец, малыши «убегали» своего папашу, и тот присоединился к нам, тяжело дыша. Влада остановилась и, запрокинув голову, любовалась ночным небом. Мне казалось, что сами звезды стали ниже, чтобы отразиться в ее влажных, больших и темных глазах. Звездная Влада... Где-то там над нами сейчас «Орбитальный-11» с боцманом Димычем. Я мысленно послал старому другу привет.

– Красиво! – прошептала Влада. – Скоро, говорят, звездопад начнется. Посмотрим с тобой? Это через две недели.

Мы дошли до полянки, и я пристроил рядом с боксами наших мальчиков контейнер с маленьким разведчиком. Влада немного подумала, потом решительно его раскрыла, давая «пленнику» свободу действий. «Правильно», – подумал я.

Пусть собрал свое потомство рядом и уселся перед ним, как профессор перед студентами. Я тоже решил присесть. Думалось тут хорошо.

Башни Меера для нас оставались малопонятными, соваться к ним наобум не стоило. Но сама собой пришла другая идея. Сунуться лучше сперва в Соловей, на вокзал. Вокзал этот я хорошо помнил. Двухэтажный, обшитый деревом по верхнему этажу, подоконники с цветниками... Летом там всегда было прохладно, зимой – тепло от больших изразцовых печей, в которые при реконструкции встроили нагреватели... Небольшой, но уютный зал ожидания с деревянными диванчиками по стенам и колесом люстры на потолке. Пол... Паркетный рисунок. Точно, орнамент из треугольников и квадратов по периметру, а в центре – не помню...

Нет, по сравнению с простенькой платформой в Загорном, насколько мне запомнилось, вокзал в Соловье выглядел богато. Золотом латуни манили окошки билетной кассы, их так и хотелось потрогать детской ручкой – никаких острых углов, плавные обводы... Мда, что же там в центре-то на полу было?.. Съездить, что ли, и посмотреть?

Нас догнали Ион и Зет. Мне стало что-то невтерпеж, и я сказал про идею насчет Соловья.

– Ребята, давайте на коптере туда слетаем? Прямо сейчас!

– Ночью? – уточнила Влада.

– А какая разница? Только глянем – и обратно.

Ион на всякий случай запросил обстановку. Вроде спокойно. Марта полетела с нами, это к лучшему, ей там каждый метр знаком.

И вот мы уже идем с фонарями по ночному перрону к темному зданию вокзала. Со скрипом поддалась моему нажиму входная дверь. Внутри мрак – занавески на окнах закрыты. Яркий свет фонаря сразу осветил пол. Шестигранник с пирамидой внутри. Как в рукописи деда Кобелевича. Мозаика на полу.

– Оно, – с удовлетворением сказал я.

Влада взъерошила мне волосы и поцеловала. Остальные рассматривали мозаику. Пылищи тут было, конечно, много, но картинка была видна. Ион замерил ее геокоординаты – совпадает.

Возвращались мы в приподнятом настроении. И на следующий день мы с утра опять были в Соловье. С собой взяли контейнер с разведчиком.

Зет прошел на второй этаж вокзала, но там ничего выдающегося не было – пол из крашеных досок. И половики перед дверями начальника вокзала и дежурного по станции. Ноги при входе к высоким чинам вытирать полагалось.

Марта сделала несколько замеров своими приборами и сказала:

– Тут всегда чисто было. «Шарах» тут нет.

Пусть пару раз чихнул от пыли и решил ждать нас снаружи. Там, по крайней мере, станционный кот на загородке сидел и качал права, а тут – вообще ничего....

– Ничего ты, друг лохматый, не понимаешь, – сказал я, выпуская его за дверь. – Тут самый эпицентр.

Зет установил навигационный маячок рядом с рисунком паркета, и Ион улетел обратно делать замеры из дома. Я снял изображение, потом мы с Зетом подняли на руках Владу под потолок, и она сняла его сверху. Я немного перенастроил свой сканер и поискал в паркете наличие отражающего слоя. Тщетно, натуральное дерево, небось, и клей старинный, а не современные мастики. Мы собрались было уходить, как у меня выскочила из руки и закатилась под диван цилиндрическая заглушка от сканера. Пришлось лезть в пыль, но вылезая и чихая от нее, я был вознагражден. Если смотреть почти от самого пола, то мозаика вдруг вырастала вверх почти до потолка и казалась внушительным полупрозрачным сооружением правильной пирамиды на шестиугольном основании. Я видел, что нюхать пыль ни у кого особого желания не было, но главное в нашем деле – заложить почин и массы пойдут!

В моем открытии убедились все. Кроме Пуся, который, судя по доносящимся звукам, пытался уговорить кота не меньше, чем на совместное управление вокзалом...

Марта связалась было с Ионом насчет «привезти сюда парочку пылесосов», но я ее остановил. Не пыль тут главное. А эти «дурни» могут всосать и что-то нужное.

Пока мы делали снимки, вернулся Ион. Из дома приборы показывали активность. Провели примитивную биолокацию. В руках Иона рамка поворачивалась каждый раз, когда он подходил к мозаике на полу вокзала. Само «сооружение» тут ни один наш прибор не зафиксировал, кроме примитивной рамки.

– Думаю, что в башне Меера мы найдем нечто аналогичное, – сказал я. – У них вроде в плане вида сверху похожее.

– Не только в башне Меера, – вставил Ион. – Мне надо уточнить, но я смутно припоминаю, что подобный рисунок на полу был в парадном холле нашего дома до его облицовки пластгранитом.

Я взял контейнер с разведчиком и посмотрел на Владу. Она пожала плечами. Ночь его пребывания на полянке не дала никаких перемен. Я отбросил все колебания и поставил контейнер в центр мозаики. Как только я это сделал, мы увидели, как пыль с мозаики сама собой стала стекать от центра к краям. Вскоре рисунок было совершенно чистым.

Ион и Зет лихорадочно делали какие-то замеры, а Марта, напротив, словно забыла о своих приборах.

– Возникает антистатика, – сказала мне она. – Оно гонит пыль. Возможно, поэтому тут не было «шарах».

Я ничего не мог ей ответить. Но факт воздействия мы все видели.

Влада связалась с нашим домом и попросила активировать разведчика. Пока ничего. Решили его тут оставить на сутки и посмотреть, что будет.

– Да, я забыл сказать, – вспомнил Ион. – Вчера я нашел информацию, что вроде бы Адамс из компании Меера увлекался стендовым моделированием. Нашлись несколько его программных разработок для модельных 3D-принтеров, сделанных в детские и студенческие годы. А Жан Меер увлекался на досуге ландшафтными диорамами, несколько его работ сохранилось, вот их изображения.

Ион передал мне флешку, которую я приложил к своему планшету. Первая картинка была с видом Севера и полярного сияния. На берегу океана одиноко стояла фигурка белого медведя, задравшего голову к сполохам цвета. На второй картинке лазурное море омывало пустынный берег с развалинами античного храма.

– Откуда эти работы? – спросил я.

– Из частных собраний.

– Красиво, – похвалила Влада, смотревшая на картинки из-за моего плеча.

– Слушай, а у тебя твоего отца галереи работ тут нет? – вспомнил я о своем интересе посмотреть работы Петерса.

– Есть, конечно, – ответил Ион. – Поищи там раздел «Петерс» и смотри. Там много. Но у него живопись. Синтекраски. Рельефная графика – реже. И одни горы.

– Мне «много» сейчас не надо, замок он рисовал?

Ион задумчиво почесал затылок и посмотрел на брата. Тот пожал плечами.

– Картин с замком я у него не помню... Нет, вроде где-то он попадает у него. Искать надо. А что?

– Да подумал, может его взгляд чего-то мог зафиксировать такого... У художника он острый. Я знал одного физика-оптика, так он так море рисовал, что стоишь перед картиной и ждешь, пока тебя волна окатит с головой. Многие даже сомневались, что это живописное, думали что съемка. Так вот, его взгляд и кисть выхватывали в воде нечто такое, что ни один объектив не передаст...

Перед отлетом обратно к дому я попросил задержаться немного. Стоял, вдыхая настоящий горами лесами и водопадами воздух, вспоминал своих отца и мать, молодых, из тех наших «соловейских» дней. Эх, хорошо тут... И имя то какое – Соловей, Сандугач!... Душа поет. Вот разберемся мы тут со всей здешней чертовщиной, и кто знает, может, опять Миха попрошу именно тут нам домик найти. Чтобы наши дети, раз их, как Влада сказала, вроде двенадцать будет, этими просторами с детства дышали... Эх, хоорошоооооооо!

– О-оооооо, – отозвалось эхо.

На обратном пути мне пришла идея восстановить мозаику в парадном холле нашего дома. Но с домочадцами я ее пока не обсуждал.

Спецкурс Института Времени, который нам с Владой пришлось усвоить год назад, давал возможность достаточно широко понимать ситуации, связанные с аномалиями. Я тогда думал, что нам суют поверхностное представление обо всем понемногу, но постепенно осознал, что это не так. Нам давали ровно столько, чтобы мы сами начинали думать и сомневаться в своем «всезнайстве», – очень полезное, кстати, для науки качество. В незнании было много веры в том, что узнать истину мы в итоге сумеем. Меня сейчас мало интересовало, «как» из мозаики паркета вдруг возникала объемная фигура, больше интересовало, «зачем» она возникала там.

Мы сидели с Пусем в коптере на заднем ряду. Пусь был явно разочарован результатами диалога с вокзальным котом, которого даже прогнать с загородки не удалось. Упертый кот попался. С досады пес немного посмотрел в краешек доступного нам тут окна, а потом свернулся клубком на сиденье. Обычно он ко мне на колени залезал.

– Да, – сказал я ему, – дипломатия – это дело такое, тонкое. С котами особенно. Бывает, не огорчайся.

Пес тяжело вздохнул.

В голове у меня назойливо вертелось воспоминание о том, что фигурный камень на картине в гостиной однажды назвали «якорем»... Якорь, якорь... Вот, стою я в толпе, которая на меня прет, как мне устоять неподвижно? Либо расталкивать ее, либо зацепиться за что-то... Хм, а, похоже, так оно и есть... Если есть тут стазис и замедление естественного хода времени, то ему нужны «якоря» для самосохранения... Вот так, с «вокруг да около» в голове, и подлетели мы к дому. Выгрузились прямо под взор поджидавшего нас Ростислава Петровича.

– Ну, что? – поинтересовался он.

Мы ему прямо у коптера рассказали про мозаику в зале ожидания. Было видно, что доверия к нашему повествованию у начальства не возникло.

– А пыли там много? При боковом свете через окна и двери в пыльном воздухе можно ожидать всякое, а вы ее там еще подняли...

– Мы аккуратно, – обиделся я. – Ну, разве что чихали от нее...

– А Пусь?

– А у Пуся свои дела на улице были. Его там не было.

– И что, вы всерьез намерены там что-то исследовать?

– Ростислав Петрович, – после недолгого общего молчания начал Ион. – Вы же сами всегда говорите, что «дьявол кроется в мелочах».

– Но не в пыли же! Где вы видели пыльного дьявола?

Мы не видели. Факт. Но уступать не собирались. Я рассказал о том, что мы увидели.

– Это может быть какой-то «якорный» знак для стазиса тут. А стазис зафиксирован Серегинными, – сказал я, вспомнив рассказ Марты о башне замка. – Приборно зафиксирован. Изменения стазиса, точнее, его состояния баланса с окружающей средой, может вызывать движения горных пород, отсюда и гул, как от просыпающегося вулкана. Причем, если верить рукописи деда доцента Кобелевича, и «наш» замок – это есть тот самый замок, то замедление времени тут задолго до нас проявлялось. Жил же барон 450 лет... Вот, может, эти мозаики его как-то обслуживали, когда он покидал замок. Как – пока не понятно, но, опять-таки, приборы на вокзал показывают. Словом, есть там что-то. И, может, слишком древнее...

Ростислав махнул рукой и пошел к дому. Мы за ним. Уже почти у входа он обернулся ко мне и сказал:

– После перекуса летим в санаторий Космофлота.

Я так понял, что вдвоем с ним. Ладно.

Меня ждала или интересная беседа или приватная головомойка – распекаль на людях Ростислав не любил. Во время трапезы я искоса наблюдал за ним, было видно, что меня

ожидало что-то «большое». Влада хотела было увязаться с нами и побыть «громоотводом», если что, но Ростислав Петрович остановил ее коротким жестом. Это вообще заинтриговало.

Коптер Ростислав повел сам. Мы пролетели башни Меера (над ними сделали круг в полном молчании), потом перевал и почти сразу после него опустились на едва заметную на горной тропе площадку. Сама тропа от перевала вниз в долину к санаторию Космофлота была вроде проходима, пара завалов, которые при желании можно было раскидать – и все. Большой разведчик по ней бы прошел играючи. Ростислав вылез из коптера, протиснулся между его бортом и уходящей в небо почти отвесной стеной вперед и поманил меня пальцем.

Я последовал за ним – с моей стороны дверь открывалась в пропасть.

– Ничего не видишь? – поинтересовался он, когда я встал рядом.

Я внимательно осмотрелся. Вроде ничего...

– А так? – подсказал он жестом, наблюдая за моими наблюдательными потугами.

«Так» показывало на нечто, видимое почти около стены вверх. И я увидел. На стене явно проступал портрет того самого человека, которого мы видели в замке.

– У нас есть полчаса, – сказал Ростислав.

Я не стал спрашивать, что будет потом. Я вообще терпеливый и спокойный. Мы с Пусем философы.

– На Алтае я был в городе Богов, – без всякого вступления начал он. – Это был город подземного народа, потомков тех, кто скрылся в тамошних пещерах от угрозы атомной войны, а потом не захотел выходить наружу. Они не выпускали людей извне, которые к ним попадали. Мне удалось вернуться только благодаря специальной тренировке на раздвоение разума, которую я прошел в СБ... Они сажали нового человека перед колесом, на спицах которого горели зеленым и красным цветом какие-то камни, а камни ярко-синего цвета располагались по ободу. Колесо начинало крутиться, камни вспыхивали и гасли, и человек сперва все забывал, а потом, через некоторое время, тут же ему «возвращали» новую память, в которой он был частью этого народа. Я им отдал половину своего разума. Семь долгих лет понадобилось сохранившейся половине, чтобы одолеть внедренную – и я смог сам от них уйти. Но та, внедренная половина, осталась, в ней были некоторые знания, о которых я тебе сейчас расскажу... Еще десять минут есть, – он кинул взгляд на свой коммуникатор.

– Так вот, – продолжил он, – на полу комнаты с колесом был рисунок, похожий на тот, о котором ты рассказал. Когда вдруг ослабили ремни, которыми я был привязан к высокой спинке странного стула с наклонным сидением, то я упал на пол, и мне показалось, что из пола растет пирамида. Видение длилось какие-то секунды, но запомнилось... Вот такие дела. А теперь, полюбуйся немного!..

С этими словами он развернул меня лицом к пропасти. На фоне горящего закатом неба изломы вершин гор темнели фиолетовыми мазками неведомой кисти, а из окутанной туманом пропасти поднимался и рассеивался в вышине силуэт пирамиды.

– Видел? – спросил Ростислав.

Я кивнул.

– Такое несколько раз в год тут видно. И портрет тоже. Я случайно обнаружил, когда наши пациенты в санатории разбежались. Одного тут и застал. А стазис, который тут обнаружили Серегины, вполне возможен. – Ростислав Петрович заметно оживился. Ученый в нем проснулся, подумал я.

– Вот представь себе такую картину, – говорил тем мне временем Ростислав. – Течет река времени, и ты с ее течением в лодке плывешь, но нашел некое место, где можно якорями за дно зацепиться, а, может, и кусты какие на берегу, и остановил свою лодку и время для себя... Это и есть стазис – место, где можно бросить якорь на реке времени.

– Поэтично и доходчиво, – улыбнулся я. – А эти фигуры-рисунки на полу, как кнехты на причале.

Нас перебил вызов коммуникатора.

– Гул прекратился, – сообщил Ион. – Вы где? В санатории...

– Мы еще не долетели, – успокоил его я. – Постарайся снять все мыслимые замеры по круговой диаграмме полей. Хорошо?

– На меня эта штука влияет так, что иногда хочется вернуться обратно в город Богов, – задумчиво признался Ростислав Петрович. – Даром мне все это не прошло.

Второй вызов был от Влады. Она активировала своего разведчика. И он ей ответил!

Ростислав Петрович попросил меня пока не рассказывать Владе и другим о нашей беседе. Почему? – Не знаю. Видимо, какие-то личные причины у него были. Влада догадалась сама, проследив мой внезапно вспыхнувший исторический интерес к «подземной миграции», как в официальной истории это называлось.

Однажды вечером, когда она, по обыкновению, «ласкалась» с Пусем и своей тигрицей, а я лежал и просматривал на планшетке дневную выборку информатория по своим запросам, в нашей спальне прозвучало следующее:

– Если вдруг вы с дедом отправитесь на Алтай, то я – с тобой. Не отпущу одних.

– На Алтай мы пока не собираемся, – совершенно честно сказал я, внутренне улыбаясь всеми закоулками души.

– Вот именно, что «пока». И никаких «пока» без меня и Пуся...

– ...и всех остальных, – закончил я за нее. – Ростислав тут интересное сравнение подкинул.

Влада перетасила на кровать Пуся и устроилась рядом. Я пересказал ей сравнение о реке времени, стазисе и лодке.

– Видишь, как поэтично мыслит человек. И никуда не собирается, – закончил я.

Влада с сомнением посмотрела на мой нос, словно решая, чего он достоин.

– А ты стихи деда читал?

– Нет, – ответил я. – Где нашла?

– В информатории. Он под псевдонимом публиковал их. Чуть старше меня был по фотографии. Я случайно поиском изображений баловалась, и Вебсик помог немного...

– Ну я вижу, что к тебе у нашего информационного друга отношение особое. Думаю, что не просто так твой дубль тут пытались сделать...

– А ты знаешь, что Володя раскусил все-таки эту загадку?

– И есть еще одна Влада? – с притворным ужасом воскликнул я. – О, горе мне! И я об этом ничего не знаю! А как Юля это пережила?

Влада улыбнулась и пропела:

– «Нет ли соперницы здесь?!» Юр, а почему раньше люди ревновали?

– Они и не перестали, – авторитетно ответил я. – Я, например, очень ревнивый.

– Да ну тебя, Кивин, одни шуточки... Лучше послушай, что выяснил Володя.

Влада рассказала, что мой друг за это время сделал структурную модель головной части разведчика и по ней выяснил, что она управляла встроенным биопринтером, который мог создавать уменьшенные копии самых разных объектов природы из синтезированной биомассы, но на один манер – как оболочки. Чем они должны были наполняться, пока не ясно, Володя предполагал, что это было продукцией разумов Меера, и что маленький разведчик был создан именно так. Серии сигналов, которые он с таким упорством ловил, постепенно оформились в подобие некоего языка описания образов. Стало более понятно, как Вебсик смог перехватить управление и, как всерьез полагал Володя, сам поселиться в башнях, потеснив, а то и вообще вытеснив разумы Меера из одной из них.

– А Юля что говорит? – спросил я, выслушав рассказ Влады.

– Юля своим занята. Тигрятами. Бим и Бом уже могут работать диагностами. Скоро она с ними поедет на юг, будем пробовать вытащить ребят... Как здорово, что ты тогда папу вытащил...

– А вот интересно, Вебсик считает Славу членом своего Круга? – вдруг спросил я.

– Думаю, что пока нет, – покачала головой Влада. – Папа еще очень прост в своих суждениях и мыслях. Вчера, например, он не мог понять, зачем нужен профотбор, я ему объясняла...

– Ты знаешь, меня не покидает мысль, что у тебя особая роль в этом его Круге, – сказал я, – если Вебсик может управлять событиями, то он может целенаправленно формировать и свой Круг, и отношения его членов.

– Нет, я не со всем тут с тобой согласна, я же люблю тебя вовсе не потому, что этого мог хотеть Вебсик, – запротестовала Влада. – Он мог просто помочь реализовать мою мечту о встрече с моим сказочником. А я еще должна была стать взрослой... Знаешь, как я трусила, когда первый раз летела сюда за Джекой? Мих такого порассказал, что писатель, ученый, такой-сякой... А ты такой хороший на самом деле...

Я встал и, достав из своего «заветного» книжного шкафа в кабинете тонкую книжку, протянул ей.

– Вот, прочти, получишь удовольствие.

– А парашюты разве бывают алые? – спросила она, рассматривая обложку с цветным рисунком.

– Бывают, – сказал я. – Почитай и поймешь. Только это не парашюты. Это – паруса, парусное судно, от ветра двигалось. Паруса шили из ткани и растягивали на мачтах.

Я с грустью подумал, что сейчас наши океаны-моря ни одно большое парусное судно не бороздит. А такие красавцы были! У меня на полке стоял «Морской словарь», когда он в моей коллекции появился, то я от его картинок оторваться не мог несколько дней. В Армагеддоне в Арктике я целый стенд моделей парусников видел. Запомнилась мне та практика.

Влада уже «ушла» в книгу и только слегка морщила нос, переворачивая страницы – не привычно. Отвык наш мир от книг... А я повспоминал свою практику и незаметно уснул.

На следующее утро меня разбудил Пусь. Влады уже в комнате не было, и он забрался ко мне на грудь, обхватил лапами шею и начал «скромно лизаться».

– Ты чего? – спросил я, как обычно завладев его плюшевыми после стрижки ушами.

Пусь посмотрел в сторону тумбочки, на которой лежал обруч с кристаллами. Мы так и не поняли, откуда они их с Джекой таскали, но обручи лежали по всем углам в доме. Влада придумала закреплять псам обручи на ошейниках, сигнал был слабее во много раз, но хоть не сваливались поминутно. Я нахлобучил обруч.

«Полянку заняли, а дети растут», – сообщил Пусь. – «Их учить скоро надо».

«Угу», – согласился я.

«Вебсик придет учить», – продолжал Пусь. – «Сам придет. И Дебби.».

«А Дебби зачем?»

«Добру учить. Дебби добрая и теплая. Детям нужно добро».

«А из башен придет кто-нибудь?», – спросил я.

«Башни – нет», – тут же ответил Пусь. – «Пахнут плохо».

Если не считать той попытки, когда Марта сделала проход, и мы с Владой сожгли большой разведчик, да тех моих осмотров сверху, башни Меера так и стояли у нас неисследованными. До них всего полкилометра, может чуть больше.

«Пусь, а почему ты против наших походов к башням, а сам ходишь?», – спросил я песика.

«Вам есть вред. Я охраняю. Джека тоже», – пришел его ответ.

Уточнять, что за вред он имел в виду, Пусь наотрез отказался и принес мне тапки, всем своим видом показывая, что пора вставать. Увидев, что я спустил, наконец, ноги на пол, он деловито отправился восвояси. А я задумался.

Было жаль, что после ранения у озера Джека утратила свои способности чутать «шарахи», сейчас бы в Соловье они могли приходиться. Ее чутье было более тонким, чем приборное. Володины псы-биомехи для такой разведки не годились, мы уже с ним обсуждали это. У Пуси чутье на аномалии было, но слабое, я не хотел им рисковать. А про Владу и говорить нечего – она за наших «собакисов» горой стояла. А после появления у них потомства – особенно.

У меня возникло предположение, что увиденная на вокзале пирамида является оптической иллюзией от бывшей там «шарахи», но чем тогда объяснить ту, в ущелье, которую показал Ростислав? Вера во всякие магии – это не мое. Вот, к примеру, Вебсик лечит очень необычно, легко поверить в чудо. Но тупо поверить – это закрыть для себя познание. Наделив Вебсика человеческими чертами, очеловечить его нельзя, у него иная природа и логика действий. Тот его образ в картине, который мы не раз видели, – это фантазия близнецов... Стоп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.